



БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

КИТОБОЙ И ЕГО ДРУЗЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО *ДЕТСКАЯ *ЛИТЕРАТУРА*⁴

Б О Р И С

Е М Е Л Ь Я Н О В



МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1975

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2014г

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Я хочу сказать, дорогие ребята, несколько слов об авторе этой книги. .

Я знал его... Он был человеком весёлым и добрым, любил детей и природу, рыбачил и путешествовал. Собственно говоря, путешествием была вся его жизнь. Он находился в непрерывном поиске и когда работал журналистом в довоенные годы, и когда в годы сражений выступал, на страницах военных газет и журналов с огневой публицистикой, с очерками, окрылявшими сердца защитников Родины. Он находился в непрерывном поиске и тогда, когда один на один со своими мыслями, со своим жизненным опытом, со своей фантазией сидел за рабочим столом: тут он был в поиске верного слова, высокой мысли, острого, увлекательного сюжета.

Самое важное то, что его поиски увенчались счастливыми находками. В результате вы, ребята, получили увлекательные, умные книги, на обложках которых вас встречает имя близкого и верного друга: Бориса Емельянова.

Борису Александровичу было о чём рассказать Вам, потому что жизнь его была богата и интересными событиями и верными друзьями.

Один из его рассказов так и называется — «Богатый человек». Истинным богатством писатель считал ценности духовные, хранящиеся не в копилке и не в кубышке, а в человеческом сердце: готовность к подвигу, к самопожертвованию во имя друга, во имя счастья людей. Богатством он считал и те сокровища, которые принадлежат всему народу, которые революция отобрала у эксплуататоров, мироедов и отдала трудящимся людям и их детям.

Я сказал, что Борис Емельянов был добрым человеком... Встречая меня, он неоднократно советовал: «О дружбе пишите! О дружбе человеческой...» Он знал цену настоящему товариществу, потому что в дружбе ему везло! Особенно же крепким и счастливым был его товарищеский союз с Аркадием Петровичем Гайдаром. Вы узнали много интересного о жизни своего любимого писателя, прочитав «Рассказы о Гайдаре», написанные Борисом Емельяновым.

В книгах Б.А.Емельянова немало рассказов, посвященных нашим четвероногим друзьям, обитателям лесов, рек и морей. Но это — не просто рассказы о собаках, о коте, о китах или о «зелёной букашине», — нет, это прежде всего произведения о людях, добрые качества которых проявляются в общении с природой.

Рассказы Б. А. Емельянова о животных озарены улыбкой. А умение поведать о разных ообытях и судьбах с юмором — это, на мой взгляд, умение очень ценное. Особенно впечатляет шутка серьёзного человека, человека бывалого, много на своём веку повидавшего. Это юмор умный, одухотворённый народной мудростью. Таков именно юмор лучших произведений автора этой книги.

Я уже сказал, что Борис Емельянов был отличным рассказчиком и очень часто бывал в школах и пионерских отрядах. Ребята всегда с огромным интересом слушали его. Сейчас Бориса Александровича уже нет среди нас: он умер несколько лет назад. Но побеседовать с ним вы можете. Раскройте книги писателя — и вы услышите его живой голос.

Анатолий Алексин



БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

В ГОРОДЕ Петрограде, в тёмном и сыром подвале на Миллионной улице, бедно и трудно жил Павел Соколов вдвоём с больной матерью. То ли в горькую насмешку, то ли просто так, по названию улицы, соседи-товарищи прозвали Павла Пашкой-миллионщиком.

Пашка не возражал, но ему от такого богатого прозвища жилось не легче. Были дни, когда у него с матерью не то что миллионов, а и копейки не было за душой.

Мокрая, холодная осень стояла в городе. В очереди за хлебом Пашка ходил в старой материнной кацавейке и, если уж очень было холодно, надевал на босые ноги старые галоши. Уличные мальчишки узнавали его

в таком одеянии за версту: «Вон он, смотрите, Пашка-миллионщик идёт!», «Эй, Пашка, здравствуй!»

Товарищи Пашку любили: он никогда не терял бодрости, ни от какой трудной жизни не приходил в уныние. Морской картуз, доставшийся ему по наследству от отца, он носил на затылке, гордо, как бескозырку, а свой последний кусок колючего чёрного хлеба старался как-нибудь незаметно подсунуть матери для поправки здоровья.

Однажды утром Пашку разбудила стрельба. Пашка не испугался, услышав выстрелы. В городе Петрограде в суровые дни 1917 года люди успели привыкнуть к стрельбе. Стреляли в городе и в феврале, когда свергали царя, стреляли в июле, когда юнкера, меньшевики и эсеры расстреливали рабочую демонстрацию. Но уж очень часто, уж очень близко гремели сегодня выстрелы.

Пашка немедленно взобрался на подоконник. Что он мог увидеть из-под земли, из своего подвального окошка? Вот пробежали мимо крепкие хромовые сапоги с медными подковками на каблуках, вот побежали они обратно, а за ними следом затопали солдатские ботинки. Совсем недалеко ухнул разрыв гранаты. Стёкла звякнули, задрожали... На колесиках по тротуару прокатился пулемёт, и Пашка не выдержал. Как был, босиком, он петухом взвился на чердак. Отсюда из слухового окошка было видно и слышно далеко-далеко. По Дворцовой площади мчались броневики, из-за ограды Зимнего дворца трещали выстрелы. Чёрной железной колонной, ошестинясь винтовками, шли по Невскому проспекту матросы. Грузовики с солдатами торопились по направлению к Смольному, красные знамёна так и полоскались по ветру...

«Вся власть Советам!» — успел прочитать Пашка на кумачовом плакате. — «Долой правительство помещиков и капиталистов!»

— Ура! — закричал он радостно. — Долой!

Всё новые и новые толпы и отряды стремились к центру города. Впереди колонн и сбоку по тротуару бежали люди в кожаных рабочих куртках и чёрных бушлатах с красными повязками на рукапзх.

— Большевики! — сказал Пашка с удовольствием. «Много наших, большевиков, — подумал он, спускаясь с чердака. — Был бы отец живой, ещё было бы больше».

В нетопленной с вечера комнате мать лежала, укрытая одеялом с головой; печка-«буржуйка» — так её тогда называли — стояла в углу без дела.

На дрова Пашка недолго думая расколочил свой любимый самокат «тыщу вёрст в час», — в такое время не до игрушек, было бы только тепло человеку. Он затопил печь, поставил на огонь чайник, сел к столу и, по-отцовски подперев голову руками, задумался.

Вода в чайнике закипела и застучала крышкой; мать потихоньку приподнялась, посмотрела на сына и заплакала.

— Не плачь, — сказал Пашка ласково. — Не плачь. Слышишь, как

гремит? Это, мамка, наверно, настоящая революция. Пей чай! У нас с тобой ещё восемь картошек есть в кошёлке. Мы с тобой, мамка, богатые.

— Миллионщики, — сказала мать тихо, вытирая слёзы.

К вечеру на другой день ни хлеба, ни восьми картошек в доме не стало. Мать лежала в жару и дышала тяжело.

Когда стемнело, Пашка вышел из дому. Ой как холодно и неприветливо было на улицах! Друзья-товарищи на глаза не попадались. Хлебом в городе и не пахло. Пахло порохом.

Вспышки выстрелов сверкали недалеко на площади против дворца. На углу переулка горел костёр. У огня хлопотали молодые парни в матросских шинелях. На костре в ведёрке кипела вода.

— Это вы зачем её кипятите? — спросил Пашка из темноты. — Для сугрева?

Матросы вздрогнули и схватились за оружие: «Кто идёт?» — и сразу же увидели Пашку.

— Ты откуда? Кто такой? — сурово сказал самый старший, высокий матрос. — А ну, отвечай как положено.

Пашка не знал, как положено отвечать в таких случаях.

— Я Пашка-миллионщик, — сказал он успокоительно. — Вы не бойтесь, меня тут все знают. Отец у меня тоже был матросом.

— Был... — проворчал высокий. — А теперь где он есть? Вот в чём главное.

— Отец у меня на «Смелом» потонул возле острова Гельгоlanda, — оказал Пашка с грустью и гордостью. — Он теперь на дне морском. Одни с мамкой живём.

— Хорошо, наверно, живёшь, — спросили матросы, — на свои миллионы?

— Плохо, — ответил Пашка доверчиво. — • Картошка кончилась, а хлебные лавки не работают.

Ветер злобно дунул из-за угла, полы Пашкиной кацавейки разлетелись, и матросы увидели под ней голое и худое Пашкино тело.

— Видно, что богач! — сказал высокий. — На вот, поешь, милок, матросского пирога.—Он сунул Пашке в руки большой ломоть хлеба.

— Спасибо, дяденька, — сказал Пашка, засовывая хлеб за пазуху. — Я у вас сейчас щепок наберу и пойду. Спасибо.

— Собери, собери, — отозвались голоса из темноты. — Пирог-то матери, что ли, прячешь? Правильной жизни парень. А ну, Семён, возьми там в мешке полбуханки хлеба да пару полен прихвати. Помоги миллионщику донести. Ишь ты какой ветрище задувает! На, миллионщик, возьми ремень, подпояшься.

Семён-матрос сам затащил Пашку чёрным блестящим ремнём с золотым якорем на пряжке. Теперь ветер мог дуть как угодно. Пожалуйста, дуй сколько влезет!

Пашка был счастлив. До самого дома проводил его дядя Семён, зашёл в комнату, постоял, посмотрел.

— Если жив останусь, приду, — пообещал он. — Жди!

Штурм Зимнего дворца начался через два часа. Пашка не спал и всё слышал: треск пулемётов и крики «ура» возле дворца. А потом так бабахнуло, что весь дом задрожал и штукатурка посыпалась со стен и с потолка. Пашка тогда ещё не знал, что это большевистский крейсер «Аврора» стреляет по дворцу, по министрам-капиталистам. Очень было страшно.

Под утро всё стихло. Пашка со своего чердака сразу увидел над Зимним дворцом красные знамёна и флаги.

Вечером на другой день зашли на квартиру к Пашке дядя Семён с товарищами, сами перетасили на руках Пашкину мать на третий этаж, в большую светлую комнату: туда же перенесли и немудрящие их пожитки.

— Живите, — сказал им дядя Семён на прощание. — Поправляйтесь. Давай, Пашка, руку на счастье. Теперь ты, брат, настоящий богатый человек. Помни! Радуйся!

— Почему ж это такое, дяденька? — спросил Пашка с робостью, и матрос Семён засмеялся.

— Почему? — переспросил он и вместе с Пашкой подошёл к большому и широкому окну на улицу. — Потому, друг... Видишь вот землю, город, дома, дворцы?

— Вижу, — сказал Пашка.

— Смотри лучше, — сказал дядя Семён и повыше поднял Пашку за плечи. — Всё это твоё теперь, парень. Навсегда, навечно. Октябрьская революция победила!





ГОРОД В ЛЕСУ

В новом доме

В Москве, на Манежной улице, вместе с отцом и матерью жили брат и сестра, Митя и Леночка.

Лене было от роду три года, а Мите — шесть лет. Маленькая Леночка под обеденный стол проходила совершенно свободно, даже не нагибаясь. Митя — большой человек, под столом умещался еле-еле.

Они бы там и сейчас жили, в Москве. Но однажды вечером отец пришёл со службы задумчивый. Долго он сидел на диване и разговаривал с мамой. Леночка спала у себя в кроватке. Митя ещё не спал, лежал и думал о слонах и крокодилах. Он был охотник, Митя.

Мама потом подошла к окну и долго глядела на улицу, а отец пощекотал Митю за ухом и спросил по-дружески у сына совета: не отправиться ли им всей семьёй подальше от Москвы в тёмный дремучий лес строить новый завод-город? Хочет ли сын посмотреть, как появляются на нашей земле новые города? Ехать или не ехать?

— В лес?! — закричал Митя, вскакивая с кровати. — Конечно, ехать! Какой может быть разговор!

Леночка была ещё очень маленькая, её ни о чём не спрашивали.

Сборы были недолгие. Чемоданы уложили, мебель оставили родственникам. Митя собрал свои и Леночкины книжки и игрушки. Леночку закутали в тёплое одеяло, на руках вынесли из дому и посадили в большую машину.

Ехали они, ехали и приехали в тёмный лес.

В лесу на снежной широкой поляне стоял новый деревянный дом. От дороги к дому была протоптана узенькая тропинка. На высокой старой сосне неподалёку сидела серая ворона, на тропинке у крыльца лежала жёлтая, похожая на лису собака, а из леса, проваливаясь в снег, бежал к ним маленький седой старичок, папин помощник Иван Иванович, и на бегу кричал:

— Хорошо ли доехали?

Иван Иванович, оказывается, ещё раньше сюда приехал и построил этот дом для папы, для мамы, для Мити и Леночки.

В комнатах нового дома пахло сосновой смолой и стружками. За окнами виднелось синее небо над белым снегом. Немного пониже неба стояла против окон высокая, поросшая лесом гора.

Что там было, за горой? Иван Иванович сказал, что живут там семь маленьких медведей и одна большая медведица. Мама сказала:

— Не бойся, Леночка, это всё выдумки, никого там нет.

Митя хмыкнул и, ни слова не говоря, отправился на кухню делать рогатину. Как это может быть, чтобы в лесу ~~же~~ водились дикие звери!

В новом доме, на новом месте, все стали устраиваться каждый по-своему.

Мама накрыла столы скатертями и повесила занавески на окна. Леночка посадила во все углы по кукле — пусть привыкают. Митя прибил на стенку табель-календарь и повесил с «ним рядом ружьё и саблю. Мало ли что может случиться, когда живёшь в лесу: разбойники нападут или те самые медведи.

Отец выдвинул на середину комнаты большой, забитый гвоздями ящик и чемодан. Из чемодана он достал синие и белые листы бумаги. Белые положил под стекло на стол, а синие приколот к стене.

— Это что? — спросил Митя.

— Это мой календарь, — ответил отец. — Твой календарь годится только на один год, а мой — на пять лет. В твоём календаре видны толь-

ко дни и числа, будни и праздники, а в моём ещё написано, что нужно сделать и построить. Теперь у каждого будет своя пятилетка: Леночка будет пять лет расти, ты будешь пять лет учиться, а мы будем пять лет строить.

Митя спросил:

— А когда вы всё постройте, что будет?

— Начнёт работать новый завод, — сказал отец, — и по дорогам поедут новые автомобили. Здесь всё про это написано. — И он показал сначала на синие, а потом на белые листы пятилетнего плана.

— Нам тут ничего не видно, — сказал Митя.





Отец засмеялся и попросил, чтобы мама дала ему топор и клещи. Он поддел топором верхнюю доску ящика, приподнял её немного, клещами вытащил гвозди и открыл крышку. Внутри лежало что-то большое, прикрытое соломой и бумагой. Отец отбил в стороны стенки ящика и осторожно снял солому и бумагу.

На полу стоял город. Настоящий город с высокими домами, заводами, трубами, башнями, магазинами, дорогами и мостами. Город казался серебряным — такой он был весь стеклянный и блестящий.

По самой широкой улице ехали зелёные, красные, жёлтые автомобили. Это были совсем особенные, хотя и разноцветные, но очень похожие друг на друга машины. Маленькие стальные кони на них взвивались на дыбы, но не могли тронуться с места, потому что были крепко к своему месту привинчены.

— Что это? — закричал Митя. — Папа, что это такое?

Леночка ни о чём не спрашивала. Тихо, не шевелясь, стояла она возле чудесного города. Она даже поднялась на цыпочки, чтобы всё лучше видеть, хотя город лежал перед ней внизу и на цыпочки не надо было подниматься.

Леночка никогда не видела таких больших игрушек.

— Что это? — повторил Митя.

— Это тоже план, и называется он «макет», — сказал отец. — Инженеры и архитекторы придумали, какими должны быть наш будущий завод и наш рабочий город. На плане, на бумаге, обо всём рассказано цифрами, линиями и словами, а здесь, на макете, всё показано: где будет дом, где улица и какие они будут через пять лет. А если мы будем хорошо работать, то и раньше.

— Но ведь тут у нас кругом лес, горы и медведи, — недоверчиво сказал Митя. — И нет никаких улиц и городов.

— Лес, где надо, мы срубим, — сказал отец, — горы уберём, медведей прогоним. Ты уж не беспокойся, мы всё сделаем как надо, и всё построим вовремя.

Мама вошла в комнату. Она остановилась у двери.

— Слышите, как лес шумит? — спросила мама. — Что это — буря?

Отец накинул полушубок и выскочил на крыльцо. Митя надел свою шубёнку и выбежал за отцом следом. Бури не было. Неподвижно стояли высокие сосны.

Но мимо дома, по дороге, с рёвом и грохотом, разбрасывая в стороны снег, шли тяжёлые тягачи и грузовики. На грузовиках стояли машины и ящики, лежали доски и брусья, а на всём этом имуществе сидели старики и юноши, мужчины и женщины в шубах,



куртках, ватниках, тулупах и полушубках. Они приветливо махали руками Митиному отцу и что-то кричали и пели.

— Кто это? — спросил Митя.

— Как — кто? — удивился отец. — Что ты, не видишь? Люди. Строители. Наши товарищи. Они вот и будут строить город в лесу.

Утром Митя увидел на поляне перед домом двух маленьких ребятшек. Оба они были совсем одинаковые — беловолосые, курносые, только шапки у них были разные: у одного — чёрная меховая, у другого — серая матерчатая. Они по очереди возили друг друга на салазках вокруг большого поваленного дерева и были очень заняты своим делом.

— Откуда взялись? — спросил Митя. — Кто такие?

— Мы-то? переспросил паренёк в серой шапке, не смущаясь. — Мы отцовские. А ты кто?

— Мы здесь строим завод, — гордо сказал Митя. — Мы московские.

— Ну, и мы строим, — сказал паренёк в серой шапке. — Мы из Курска приехали.

— А мы из города Горького, — сказал, сидя на салазках, другой мальчишка. — С Волги. Мы уже там один такой завод построили до войны, когда меня ещё на свете не было... Ну, поехали... Прощай, московский!

И курский Васька повёз своего горьковского товарища в лес.



Митя - путешественник

Лес обступал дом со всех сторон. Солнце едва просвечивало сквозь густую чащу соснового бора. Только в полдень поднималось солнце над верхушками деревьев. Даже погожим весенним днём в лесу было сумрачно и дико.

Велик был лес и тёмн, и не мудрено, что надолго потерялись в нём курский Васька и горьковский его товарищ. Видно, снег на тропинках растаял и трудно стало ребятам разъезжать по лесу. Митя никак не мог забыть весёлых мальчишек и долго искал их. Но разве так сразу отыщешь двух ребят в огромном лесном царстве!

Рано утром Митя и Леночка вышли гулять, проводили отца на работу и на минутку, удивлённые, задержались на своём крыльце. Лес как будто стал тоньше и светлей. Полянка около дома была усыпана свежей щепой. Прямо против дома лежали две огромные срубленные сосны, сквозь деревья было видно синее небо. Далеко-далеко звонко-звонко стучали топоры и слышался ещё какой-то шум, глухой и непонятный.

Скучно человеку сидеть всё время без дела, и Митя собрался в далёкое путешествие. Он только ещё не знал, куда ему идти, в какую сторону, и ждал маму — пусть она выйдет и возьмёт Леночку. Леночка ещё мала для путешествий.

Митя решил твёрдо, что сегодня он узнает, где строится завод и когда можно будет кататься по лесу на автомобилях.

Из лесу вдруг выкатилось солнце. От неожиданного света и блеска Леночка зажмурилась, и Митя зажмурился тоже. Никогда ещё солнце не выкатывалось так прямо, ничем не загороженное. Всё вокруг стало золотым и горячим.

Дверь позади скрипнула.

— Мама! Смотри, мама! — закричал Митя.

Леночка запрыгала на крыльце, показывая обеими руками на солнце.

— Вот как хорошо! — сказала мама и взяла Леночку на руки. — Ну, чему вы удивляетесь? В лесу прорубили дорогу, и солнце вышло на просеку.

Митя потихоньку слез с крыльца и быстро-быстро зашагал к поваленным соснам.

Когда дорог не было, ходить одному человеку по лесу было, конечно, страшно. Ну, а теперь вот они, ясно видны с крыльца широкие ворота в лес, а за воротами, наверное, и строится завод-город.

— Ты куда? — успела крикнуть мама.

— Никуда. Я по дороге, — ответил Митя. - - Я сейчас... — и юркнул в лесные ворота.

Города за ними не было. По бокам просеки стоял высокий сосновый бор. Снег ещё лежал в лесу, но у самых стволов сосен обтаял до земли, и

там, в земле, уже копошились разные мушиные козявки. Митя дотронулся рукой до старой сосны — ствол дерева был шершавый и тёплый.

Пёстрая птица с длинным клювом вспорхнула с земли и улетела. Митя засмотрелся на неё и едва успел отскочить в сторону: большой автомобиль, гудя и переваливаясь на весенних промоинах, прошёл по просеке в лес. Совсем рядом с дорогой Митя увидел белое здание. Длинная железная рука подъёмного крана несла над ним стальные рельсы: ловкая машина помогала людям поднимать и переносить тяжести. На высоких стенах дома сидели маленькие (такими они казались снизу) люди и спокойно делали своё трудное дело.

Главный строитель в очках ходил недалеко по лесной площадке и постукивал топориком о деревья.

— Это завод? — спросил у него Митя, показывая на белое здание.

• — Нет, — оказал строитель в очках и улыбнулся, — это школа, в которой ты будешь учиться. И, пожалуйста, сойди с дороги, потому что ты мешаешь движению.

Уже не одна машина, а целых четыре шли по дороге и гудели так, словно стадо диких слонов заблудилось в лесу.

Митя поскорей обежал два раза вокруг школы. Вот окна, а вот дверь. А крыши нет. Очень интересно, когда будет над школой крыша и какой будет в школе учитель.

Митя увидел в лесу ещё один дом. На этом доме была крыша, только в окнах не было стёкол. Дом был большой, очень большой.

По стенам дома на длинных канатах ползала решётчатая коробочка, а в ней сидели рабочие-штукатуры с ведрами и какими-то шипучими шлангами, как у пожарников. Струя белой жидкости с силой била из шланга в стену, и там, где проползала коробочка, красная кирпичная стена становилась серой и ровной.

Когда Митя подошёл к дому, коробочка со штукатурками поехала вниз и из неё выглянула белая, измазанная извёсткой голова.

— Что, брат, квартиру себе пришёл выбирать? — спросил штукатур у мальчика.

— Нет, — сказал Митя, — я пришёл посмотреть завод.

— Это не завод, а простой дом, — сказал штукатур. — Самый обыкновенный дом, как в Москве.

— Но ведь здесь не Москва, а дремучий лес, — сказал Митя. — Почему вы строите дома, а завод не строите?

— Как это так — не строим! — обиделся штукатур. — Очень даже строим. Видишь там, за домом, в стене ворота и калитка? Там и строим.

Он ещё что-то хотел сказать Мите, но коробочка поползла вверх, шланг зашипел, и штукатур исчез.

Высокая серая стена стояла в конце просеки. Митя заглянул в приоткрытую калитку — огромный двор за стеной казался пустым. Люди и ма-

шины глубоко в земле укладывали кирпичи, и было похоже, что кирпичные стены растут вниз, уходят под землю.

— Метро! — закричал Митя.

— Нет, завод, — сказал рядом с ним чей-то голос.

Митя обернулся и увидел рядом с собой у калитки седого старика с винтовкой в руках.

— Завод? В земле? — удивился Митя.

— Нет, — сказал сторож. — В земле укладывают только опору для будущих зданий. Заводские машины, стены и трубы очень тяжелы, и если их поставить на землю сверху, просто так, то земля не выдержит, расступится, поползёт в стороны, и здания повалятся набок. Прежде чем строить корпуса больших домов и заводов, глубоко в земле строители устанавливают фундаменты будущих зданий. Земля укрепляется кирпичом и бетоном. Огромный, тяжёлый завод крепко опирается в земле на фундамент и лезет вверх. Теперь уж земля не пошатнётся, не подведёт. Понял?

Сторож вскинул на плечо винтовку и пошёл к калитке.

Митя остался один на просеке. Куда идти — налево или направо? Говоря откровенно, Митя забыл, куда надо поворачивать.

Жёлтая маленькая, та самая, похожая на лису собака с деловым видом бежала по просеке. Митя сразу понял, куда она торопится, и очень обрадовался. Собака эта всё время толкалась возле Митино дома. Мама её кормила, а папа звал Рыжухой.

— Рыжуха! — закричал Митя, и собака остановилась и завиляла хвостом. — Ты домой, Рыжуха? И я.

И они побежали обратно по просеке и прибежали домой как раз к обеду.

Мама беспокоилась, куда пропал сын, а отец спросил просто:

— Ну, путешественник, где ты был и что видел?

Много видит человек, если он на всё смотрит внимательно. Разве обо всём так просто расскажешь?

Под горой, по реке, проплыли серые льдины.

По большой воде пришли издалека белые пароходы, привезли людей, бензин, кирпич и железо и ушли по рекам обратно в далёкое море.

Дни стали длинней, ночи — короче.

Однажды ночью Митя проснулся и увидел, что отец сидит за столом, что-то про себя шепчет и чертит карандашом по бумаге.

— Папа, — сказал Митя тоже шёпотом, — ты почему не спишь?

— Тише, сын! — сказал отец. — Не мешай, я работаю. Я придумал, как ещё один дом построить, пока ты спал...

— Где? ••• — спросил Митя сонным голосом.

— Здесь, — сказал отец. — Недалеко. Рядом.

Последний снег растаял.

Синие подснежники отцвели в лесу, и облетели мохнатые почки на вербах. Приехал Иван Иванович на зелёной машине, а Леночке сказал, что прискакал к ней на сером волке.

Мама открыла окна в доме, и большая ветка берёзы влезла в окно и повисла над отцовским рабочим столом.

Отец тогда поднял голову от своих синих чертежей и расправил плечи.

— Весна на дворе, — сказал он. — Хорошо!

И сел опять работать.

Время шло.

Митя оторвал листок календаря с весёлой надписью «май». Весна кончилась.

По большой насыпи строители проложили блестящие рельсы, и побежали прямо в лес с ближней железной дороги поезда с грузом.

Пошли Митя и Леночка в лес за ягодой земляникой и увидели, что за **серой** стеной поднялась высокая труба, круглая, как башня. Митя объяснил Леночке, что это завод поднимается из-под земли.

Время шло.

Пожелтели листья на маленьких берёзках. В первый раз пошёл Митя в новую школу. Над белым школьным домом кровельщики настлали крепкую крышу, стекольщики вставили в доме стёкла, и директор Василий Никитич ходил по коридору, встречая новых учеников.

В первом классе было светло, тепло и стояли новые, блестящие парты. А когда Митя вошёл в класс, то увидел: на первой парте с краю сидят рядом курский Вася и горьковский его товарищ.

— А, московский, московский! — весело закричали они.

Мите тоже стало весело.

Очень приятно в новой школе встретить старых знакомых.

По вечерам дома Митя разглядывал игрушечный город. Нет, ещё не были похожи дома в лесу на чудесную папину игрушку; никто не видел на просеках блестящих новых машин с серебряными конями на радиаторах. Со вздохом Митя залезал на стул и садился учить уроки.

Гости во дворце

Гели ты сидишь дома, ничего не делаешь и считаешь, сколько за окном долетело галок — одна или две, — время идёт медленно. Бывает так, что за целый день ни одна галка не пролетит мимо твоих окон.

Тик-так, тик да так! — отсчитывают секунды часы, и от такой тиктаковой жизни нападают на человека лень и скука.

Если ты занят делом — работой, учением — и хорошей игрой, на всё

смотришь и всё видишь, время тогда летит быстро, и ты вместе с временем летишь, как на крыльях.

Тогда человеку жить весело.

Я вам не буду рассказывать о том, как Митя жил, когда учился в школе в первом классе.

Жил он хорошо. Прошёл не один день, а целый учебный год, с тех пор как Митя в первый раз пришёл в школу. Осень прошла... зима... весна... К началу нашего третьего рассказа лето ещё стояло на дворе. Солнце светило в школьные окна, и кругом пахло росой и свежим сеном.

В первом классе сторож подметал пол. Бывшие первоклассники, тихие и чистенькие, сидели в другой, новой комнате. Слышно было, как далеко за окнами, в лесу, стучит клювом дятел.

Тридцать мальчишек и девчонок, все как один, смотрели прямо перед собой, словно им в кино показывали интересную картину. Во всю стену над школьной доской протянулось красное полотнище, и на нём было написано большими белыми буквами:

ПРИВЕТ УЧЕНИКАМ ВТОРОГО КЛАССА!

На подоконнике стоял шар-глобус, а рядом с глобусом лежал кот Синий Ус и смотрел на ребят прищуренными глазами. Усы у кота были длинные и на самом деле синие. Ещё на зимних каникулах маленький школьный котёнок попал мордой в краску, оставленную малярами в раздевалке. Котёнок вырос и стал большим котом, а усы у него так и не отмылись.

Учительница Анна Саввишна сидела за столом и посматривала с жалостью на испорченного кота, а директор Василий Никитич ходил по классу.

— Отцы ваши и матери отлично работали на строительстве, — говорил Василий Никитич, — и я очень рад, что вы учились хорошо, все перешли во второй класс. Очень рад. Во втором классе нужно учиться в два раза лучше, а озорничать в два раза меньше.

Василий Никитич помолчал немного и посмотрел в окно.

— Хотел я вам сказать что-то интересное, да забыл, — сказал он. — Вы не знаете, что я хотел сказать, Анна Саввишна?

Анна Саввишна улыбнулась и ответила:

— Не знаю.

В классе словно ветер пронёсся от тихого движения и шёпота.

— Забыл... — шепнул Митя. — А она не знает.

— Ну да, — ответил ему курский Васька тоже шёпотом, — он забудет! Это он нарочно.

За окнами раздался шум мотора.

— Подъехал к подъезду большой автобус, — сказал Василий Никитич, выглядывая в окно. — Зачем приехал сюда голубой автобус?

Весь класс приподнялся, пытаясь разглядеть за окнами машину.

— Сидите, сидите! — сказал Василий Никитич. — К нам кто-нибудь приехал. Фу ты, батюшки, вспомнил! Мы сами сегодня должны ехать в гости...

— Куда? Куда? — закричали мальчишки и сразу повскакали со своих мест.

Синий Ус зашипел и выпрыгнул во двор.

— Тихо! — громко сказал Василий Никитич. — Что вы, маленькие? Девочки молодцы, сидят смирно и не прыгают. Построиться парами! Мы едем в гости в Рабочий дворец... Построились? Шагом марш...

Голубой автобус гудел у подъезда, и шофёр махал рукой: поскорей усаживайтесь.

Мальчишки уселись на передние сиденья, поближе к шофёру. Сели в автобус Василий Никитич и Анна Саввишна. Машина ещё раз загудела, тронулась, прибавила ходу и понеслась вперёд.

Замелькали за окнами дома и деревья. Автобус мчался быстро. Казалось, вот-вот налетит он на серую стену, или на высокие сосны, или на дом с балконами, неведомо откуда взявшийся в лесу.

Но высокие сосны отодвигались в стороны и, как часовые, становились по бокам дороги. Дом с балконами нырял куда-то вниз, а голубой автобус проносился по высокому мосту вровень с самыми верхними окнами дома.

В серой стене открывались ворота, и автобус, не задерживаясь, летел по заводской площадке.

Площадки между зданиями были залиты асфальтом, и на них не осталось даже самых маленьких следов больших земляных работ.

Ровными рядами стояли заводские корпуса, и казалось, что они строились не из камня, а только из стекла и железа. Самый большой корпус, с круглой стеклянной башней, высоко поднимался над лесом. Вот таким и был он на отцовском плане-макете — с башней и флагом. Что-то в нём стучало и звенело, и Василий Никитич сказал, что уже устанавливают на заводе машины.

— Смотрите, ребята, — говорил Василий Никитич, — город вырастет в лесу.

Мите казалось, что за окнами уже вырос новый город. Вот за этим большим домом должен стоять ещё один дом, а за тем домом — ещё два дома. Но за углом, за поворотом дороги, в глубокой и широкой яме копались железные остромордые машины, и никаких домов не было. Дома появлялись за следующим поворотом и вновь исчезали, уступая место лесным участкам, песчаным карьерам, пустым, расчищенным площадкам.

Город-завод ещё строился.

Ребята увидели у дороги большое, светлое, словно кружевное здание, освещенное солнцем. На широкой лестнице стояла высокая женщина в белом платье и, как флагом, махала в воздухе большим красным цветком. Автобус остановился.



— Здравствуйте, ребята! — сказала женщина. — Здравствуйте, мальчишки, здравствуйте, девочки!

И мальчишки, выскакивая из машины, закричали хором:

— Здравствуйте!

— Поздравляю вас всех с началом нового школьного года, — сказала женщина. — Меня зовут Александрой Васильевной, а вы можете меня называть тётёй Сашей. Рада видеть дорогих гостей — больших и умных!

На дверях и перилах дворца ещё висели таблички: «Осторожно, окрашено». Белая лестница, устланная красным ковром, поднималась высоко вверх. В огромных окнах сверкало солнце. Столы, диваны, стулья, лестницы и вешалки блестели и сияли чистотой и новизной.

В большом зале, прямо против входа ребята увидели портрет товарища Ленина. Рядом с Лениным Митя увидел целую галерею портретов известных деятелей партии и знаменитых маршалов и полководцев, а курский Васька вдруг закричал:

— Папа! Папа!

Все бросились к нему. Вася стоял и не отрываясь глядел на фотографию человека в пиджаке и белой рубашке с галстуком. У человека на фотографии были светлые волосы и мягкие большие усы, ласковые глаза и мохнатые широкие брови.

— Мой отец! — гордо кричал Вася. — Мой!

Ребята смотрели на товарища с недоверием. Правда, все заметили, что очень похож белобрысый Васька на усатого человека с ласковыми глазами. Такой же у него лоб и такие же мохнатые брови.

Но почему же так близко к товарищу Ленину находится фотография отца их друга — озорника Васьки?

— Может быть, так просто* похожий? — засомневался Митя.

— Он у тебя министр? — спросил чей-то тихий голос. — Или депутат?

— Никакой он не министр, — сказал Вася. — Рабочий он, мой отец.

— «Лучший каменщик нашего строительства Андрей Васильевич Никулин», — громко прочёл подпись под портретом Василий Никитич и с уважением добавил: — Знатный человек!

Мальчишки в это время сами многое разглядели.

— Смотрите, — кричали мальчишки, — слесарь Землянушкин из нашего дома тоже здесь!

— Бетонщики Михеевы у нас живут! — отвечали им [девочки. — Вот они.

Много своих родных и знакомых узнали в тот день ребята в Рабочем дворце и очень обрадовались.

Когда тётя Саша повела ребят обедать, второклассники держали строй, как солдаты на параде, — раз-два, раз-два, левой! — такие они были гордые.

Тётя Саша накормила ребят вкусным обедом с мороженым и уложила отдыхать в саду.

После отдыха ребята играли в палочку-выручалочку, пили чай и наконец отправились в кинозал.

На экране долго прыгал Конёк-горбунок, мчались золотогривые кони и гулял в лесу красивый оленёнок.

Когда кино кончилось, на улице уже стемнело. Василий Никитич и Анна Саввишна волновались, что допоздна задержали ребят, но тётя Саша сказала:

— Ничего, один раз можно. Шофёр Коля развезёт их всех по домам, не беспокойтесь.

Ребята и не беспокоились, а, наоборот, были рады.

Анна Саввишна спросила Митю, как ему понравилась поездка, и Митя ответил, что очень понравилась:

— Хорошее путешествие! Жаль только, что мы не видели пока никаких диких зверей. Оленёнок не в счёт, потому что он не живой, а киношный.

— Садитесь, садитесь! — закричал шофёр Коля.

И все опять стали усаживаться в автобус.

Коля зажёл фары, осветил дорогу, и они поехали.

В узких лучах света дорога выглядела неровной и горбатой. Тёмный лес по бокам дороги ночью казался дремучим и волшебным. Ребята притихли.

— Вот сейчас выскочат из леса твои дикие звери, — сказал Васька Мите, — и хапнут! Что будешь делать?

Митя хотел ответить, что звери побоятся хапнуть такой большой автобус, и не успел. Выскочили из леса на дорогу два серых зайца и запутались в длинном луче автомобильных фар. Испугались зайцы. В стороне от света темно и страшно. Пустились зайцы бежать по светлой дорожке впереди автобуса, никуда не сворачивая.

— Держи! Держи! — закричал Митя и кинулся прямо через скамейки за зайцами.

Еле-еле его поймал Василий Никитич. Но уже все ребята и даже девочки кричали: «Держи!» — топали ногами и свистели.

Звери-зайцы, ничего не слыша, неслись впереди. Шофёр Коля засмеялся, прибавил ходу, догнал зайцев, а они во всю прыть скакали под самыми колёсами и, того и гляди, могли попасть под машину.

Тогда шофёр Коля нажал кнопку гудка, и автомобильная сирена страшно загудела у зайцев над головами.

Тряхнули зайцы длинными, ушами, шарахнулись с перепугу в канаву и пропали.

— Что я вам говорил? — сказал Митя, когда все немного успокоились. — Вот они, звери.

— Так это ж зайцы! — сказали ему товарищи.

— Зайцы тоже дикие, — сказал Митя. — Ружьё надо с собой брать в следующий раз, вот что.

Пока они разговаривали, шофёр Коля понемногу высаживал своих пассажиров. Курского Ваську и ещё четырнадцать мальчиков и девочек он отвёз в рабочий городок. Двенадцать ребят и директор Василий Никитич вылезли на заводской площадке. Совсем пусто было в машине, когда шофёр Коля спросил у Мити:

— А тебя, охотник, куда везти?

— Меня? — переспросил Митя. — Меня на улицу Ленина, дом номер двенадцать.

Вылез Митя из автобуса, стал у своего крыльца, осмотрелся и задумался.

Когда они сюда приехали, дом этот стоял один на снежной широкой поляне. От дороги к дому была протоптана узенькая тропинка. На высокой старой сосне сидела серая ворона. А больше ничего не было.

А теперь — посмотрел Митя — далеко идут дома с одной стороны и с

другой. На углу к дому инженеров и техников прибита дощечка: «Улица Ленина». И все они живут не в лесу, а на большой, широкой улице.

«Как же это так вышло? — подумал Митя. — Когда дома строились — видел, а когда улица появилась — прозевал».

Дверь была не заперта. Митя быстро вбежал в комнату. Отца дома не было.

— Где ж ты был так поздно? — спросила мама улыбаясь. — Я уж думала, что ты и домой сегодня, путешественник, не вернёшься.

— Я был в гостях, во дворце, — ответил Митя. — В кино я видел коней и оленей, а в лесу — зайцев. Васин отец — знаменитый человек. В лесу такое настроили — ахнешь!

— Говори тише, — сказала мама, — Леночка давно спит.

Леночка не спала. Она лежала в своей кроватке и дожидалась, когда Митя вернётся. Она вскочила с постели в одной рубашонке и сказала:

— Митя! Я очень рада, что мой брат учится во втором классе.

— Ты рада? — фыркнул Митя. — Мама тебя научила...

Он вспомнил Василия Никитича, сморщил нос и сказал:

— Что-то я вам ещё хотел рассказать интересное, да забыл...

Большая Медведица

Как маленькие люди становятся большими? Говорят, что они просто растут и учатся, а потом оглядываются назад и не понимают — когда выросли.

Так было со мной, так, вероятно, будет и с вами.

Если маленькие люди хорошо учатся, то они растут скорей. Если они плохо учатся, то растут медленней. Кто как может.

Давно ли, кажется, Митя перешёл во второй класс, был в гостях во дворце и гонялся на автобусе за зайцами! Много ли с тех пор прошло времени? Лето прошло, осень, весна и ещё лето. Митя вырос. Новая осень стучала в окна мелким частым дождём.

В третьем классе тихо сидели ученики. На подоконнике лежал кот Синий Ус. Он так и переходил из класса в класс вместе с Митей и Васей. Усы у кота были длинные и обыкновенные, белые. За полтора года краска с усов сошла, и осталось у кота только одно «синее» название.

Митя стоял у доски и читал наизусть стихи Пушкина:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,

Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Вася сидел на первой парте и шёпотом повторял стихи. Митя кончил читать.

— Хорошо, — сказала Анна Саввишна, посмотрела на часы и поставила в журнале отметку. — Хорошо.

По всей школе раздался весёлый оглушительный звонок. Урок кончился. Здание содрогнулось от топота, шума и крика, и через минуту всё смолкло.

Дождь перестал, когда школьники выбежали на улицу.

Над серой стеной завода, на высокой башне главного корпуса, разворачивался по ветру красный флаг.

На большой дом с балконами монтеры поднимали на канатах деревянные щиты, усыпанные электрическими лампочками.

Люди с праздничными покупками шли из магазинов. Все готовились встречать праздник Великой Октябрьской революции.

Вася сказал:

— Совсем это не скучная пора — ноябрь. Почему так написано?

— Когда Пушкин был жив, такого праздника не было, — ответил Митя. — Завтра смотри приходи пораньше.

— Приду, — ответил Вася. — Прощай!

Митя побежал домой. Ещё с порога он закричал маме:

— • Мы читали Пушкина! На заводе поднят красный флаг! Синий Ус поймал воробья, а мы отняли и выпустили. Колька Воронин ударил по мячу, а мяч взял и лопнул!

— Ну вот, — сказала мама, — все новости сразу, да?

— Нет, — сказал Митя, — не все новости. Меня завтра принимают в пионеры.

— Много тебе лет, сын! — сказала мама.

— Скоро будет десять! — гордо воскликнул Митя. — Через восемь месяцев.

После обеда мама пошла к себе в комнату. Митя немного погодя вошёл к ней. Мама сидела на диване и бережно разглаживала на коленях выцветший красный галстук.

— Чей это галстук, мама? — спросил Митя.

— Мой, — сказала мама и улыбнулась. — Вот видишь, сберегла.

7 Ноября, в день праздника Великой Октябрьской социалистической революции, Митя и Вася шли на правом фланге своего отряда. Всем были видны их новые красные галстуки.

Если галстук у Мити сбивался на сторону, Вася тихо говорил: «Поправь!» — и галстук снова оказывался на месте.

Громко играла весёлая музыка. Колонны строителей шли вперёд с красными знамёнами, развевающимися на ветру. Они проходили по площади мимо завода, мимо трибун и шли дальше по улицам, по мостам, по просекам. Люди весело улыбались и с гордостью рассказывали друг другу о том, как они здесь работали и работают.

Но дорога поднималась в гору, и смех и шутки в колоннах смолкали. Гора стояла над рекой, надвое разрезая дорогу своим хребтом. Люди и машины с трудом одолевали крутой подъём. Гора закрывала от людей небо. Гора мешала людям, и они сердито ворчали:

— Подожди, и до тебя доберёмся!

Ночью после праздника люди взяли топоры и ушли на гору.

Утром Митя выглянул в окно. На горе срубили деревья. Гору будто остригли, и она стала похожа на колючего, взъерошенного ежа.

Днём Митя увидел, как остромордые машины вгрызаются в гору. Одной своей стороной гора обрывом падала к реке, и как раз в этом месте её долбили и буравили люди.

— Вы хотите повалить гору? — спросил Митя вечером у отца.

— Мы её хотим взорвать, — сказал отец. — Я же тебе говорил, что мы уберём горы, чтобы они нам не мешали.

И вот наступил день взрыва. Окна в домах заклеили крест-накрест узкими полосками бумаги, как делали в Москве во время войны. Люди, те, кто жил рядом с горой, на всякий случай отошли от своих домов подальше. Под гору в прорытые щели заложили взрывчатку, и Митин отец сам включил ток.

Глухой подземный удар раздался в лесу. Дрогнула земля, волна воздуха гулко ударила в стены, и песок посыпался на крыши домов.

Все — и мама, и Митя, и Леночка — бросились к окнам.

Там, где была гора, над самой землёй стояла жёлтая низкая туча — взрывом превратило в пыль, подняло и швырнуло в небо камни, песок и глину. Пыль рассеивалась, оседала, и медленно выступали из жёлтой мглы дома и башни, дороги и мосты.

Со всех сторон, со всех улиц стали видны огромные застеклённые здания заводских цехов.

Гора упала в реку и запрудила её. Новое озеро засверкало внизу за домами.

Вечером прибежал к отцу по делам Иван Иванович и рассказал Леночке, как долго они не могли сдвинуть с места упрямую гору.

— Ну, и как же вы её сдвинули? — спросила Леночка, прищуривая хитрые глазёнки.

— • Приехал богатырь Верти-Гора, — ответил Иван Иванович, — и свернул. Без него бы не управились.

— На сером волке? — спросила Леночка.

— На сером! — сказал Иван Иванович. — Или ня зелёном, уже не помню.

— Не бывает зелёных волков на свете, — засмеялась Леночка. — Я не маленькая. Зачем вы, Иван Иванович, говорите неправду? Где ваши семь маленьких медведе" и одна большая медведица? Жили они за горой - горы нет. А медведи где:

— Убежали, — сказал Иван Иванович. — Испугались и уоежали. А я знаю куда, и я могу тебе их показать, если хочешь. Только одевайся теплей, потому что на улице холода .

Все оделись и пошли с Иваном Ивановичем смотреть медведей. Чуть хрустел молодой ледок под ногами. Тёмное синее небо было усыпано звёздами.

— Смотри, Леночка, — сказал Иван Иванович. — Видишь, ион там, наверху, семь звёздочек рядом?

— Вижу, — сказала Леночка. — Семь звёздочек.

— Вот они и есть маленькие медвежата, — сказал Иван Иванович.— А все вместе они называются созвездием Большой Медведицы

— Какая же это медведица? — сказала Леночка. — Это не медведица, а ковшик.

Дома Леночка долго спорила с Митей. Они по очереди рисовали звёзды на бумаге. Когда рисовала Леночка, из семи звёзд получалась кг стрюлька с ручкой. Когда рисовал Митя, получалась большая и страшная медведица.

Если ты, маленький читатель, хочешь, то можешь легко на;...; кастрюльку-медведицу на звёздном небе.

Сереоряныс кони

∴ Вот и ещё один нивыйи город вырос на нашей советской земл*.

Над большим озером вдоль широких улиц построены высокие светлые дома.

Глубоко на дне озера лежат камни высокой горы, за которой когда-тс жили лохматые лесные звери.

В садах и на улицах перед домами нового города растут белъь весёлые берёзы и строгие ели.

В этом городе никто никогда не сажал деревья. Они тут всегда росли. Они стояли здесь, в лесу, когда ещё города не было.

Вот под этой огромной красавицей ёлкой была когда-то настоящая мел вежья берлога. Теперь под деревом — зелёная скамейка, а рядом с ней остановка голубого автобуса.

За высокой серой стеной стоит огромный завод.

Завод работает. Пробегая мимо, ребята слышат гудение моторов, тяжёлые удары электрических молотов и свист токарных станков.

Коля Воронин подсмотрел, как по заводскому двору из цеха в цех катили колёса на белых покрышках, и посередине каждого колеса сверкал блестящий никелированный диск.

Вася видел, как грузили на транспортёры чёрные крылья машин.

Митю отец взял с собой на завод. Когда они проходили по тёмному пролёту цеха, началось испытание автомобильных ламп. Сотни фонарей зажглись одновременно, и в ослепительном их свете Митя увидел серебряных коней. На блестящих, похожих на панцири радиаторных решётках стояли сверкающие кони.

— Сколько их было? — спросили товарищи Митю.

— Тысячи! — ответил он не задумываясь.

— Сильно блестели? — спросил Вася.

— Глазам больно, — ответил Митя.

На большой перемене мальчишки атаковали директора Василия Никитича.

— Почему? — кричали мальчишки. — Отчего? Всё есть — колёса, крылья и кони, — а где же автомобили? Почему завод работает, а машин не видно?

Василий Никитич долго не мог успокоить ребят.

Пришлось ему вместо урока рассказывать о том, что большой автомобильный завод — это не один завод, а много заводов, соединённых друг с другом только сборочным цехом и широкой лентой главного конвейера.

На одном заводе отливают стальные рамы автомобилей — шасси, на другом делают колёса, на третьем штампуют из стальных листов крылья и кузова, на четвёртом собирают моторы. Надо, чтобы все заводы работали вместе, чтобы до последнего винтика было запасено вдоволь рулей, фонарей, радиоприёмников, бензиновых баков, колёс, моторов и мягких сидений. Только когда поставят на главный конвейер стальную раму шасси, двинется конвейер — и пойдёт ровным своим ходом мимо рабочих и мастеров бесконечный поток машин.

На оси наденут колёса, на шасси установят моторы, уложат сиденья, опустятся на машины блестящие колпаки кузовов, нальют горючее в баки, сядут за руль шофёры, и машины-самоходы сойдут с конвейера.

— А куда они поедут? — спросил Митя. — И когда поедут?

— Пятилетка ещё не кончилась. Ещё год остался, — сказал Василий Никитич и засмеялся. — Я не знаю когда.

Маленькая Леночка в это время бежала по улице. В руках у Леночки были клеёнчатая сумка с книжками и бумажный свёрток.

— Ты откуда? Куда? Зачем? — спросил чей-то голос, и Леночка увидела Ивана Ивановича.



— Здравствуйте, Иван Иванович! — сказала Леночка. — Я иду в школу. Видите — вот книжки. А вот завтрак.

Леночка в большой шапке и с книжками казалась в два раза меньше, чем была на самом деле.

— Школьница! — сказал удивлённый Иван Иванович. — Когда это ты успела? Сколько будет десять и десять?

— Двадцать, — сказала Леночка. — Я до ста могу считать и вычитать.

— Ну-ка, — сказал Иван Иванович, — от двадцати груш отними два яблока — сколько останется?

Леночка заморгала глазами и зашевелила губами. Яблоки от груш не отнимались.

— Сколько тебе лет? — спросил Иван Иванович. — Пять?

— Семь! — закричала Леночка и ушла от Ивана Ивановича очень обиженная.

Вечером Митя на своём календаре, вот на таком же самом, что и у тебя сейчас висит на стенке, поставил галочку и сел к окну.

Завтра Митя на школьном вечере решил прочесть товарищам свои собственные стихи. Он их сочинил вдвоём с Васей, и это были хорошие стихи.

Леночка сидела за столом и старательно выводила в тетрадке красивые буквы. Первоклассницы завтра сдавали письменную работу и решили в этот день все получить по пятёрке.

Мама готовилась к докладу: читала книжки и что-то себе записывала в тетрадку.

В комнате тихо стучали часы. Как будто ничего не изменилось здесь за четыре прошедших года. На стене висели синие чертежи завода, по углам сидели Леночкины куклы, а на тумбочке стоял картонный город с домами, заводами, магазинами и мостами.

Казалось, стоит только отворить дверь — из комнаты ворвётся тишина сонного столетнего леса. Было даже чуть-чуть страшно: вдруг постучатся в дверь лохматые медведи или завоюют под окнами волки?

Но все знали — и мама, и Митя, и Леночка, — что в дремучем тёмном лесу советские люди построили настоящий город, с большими домами.

По высоким его мостам бегут поезда и автобусы, а в просторных магазинах торгуют всякими красивыми и вкусными вещами. Жить в таком городе совсем не страшно и не скучно, а очень даже весело.

Митя подошёл к окну, посмотрел и прислушался.

За окном мела метель. Хлопья снега неслись над улицей. Снег то стелился по самой земле, то вздымался столбом вверх, развевая во все стороны свою косматую белую гриву.

А люди шли по улице. Они везли на санках ёлки. Людей было много, как будто уже наступил Новый год. Метель засыпала их снегом, хлестала ветром, но они смеялись и не прятались от ветра и снега.

Стёкла затягивало затейливым белым узором.

Высокий, как Дед-Мороз, человек подошёл с улицы к окну. Видно было, как тень его головы легла на расписанное морозом стекло.

«Кто это?» — подумал Митя и стал дуть на замёрзшее окошко.

На инее медленно появился талый кружок. Он становился всё больше и больше, иней на стекле обтаял, и с улицы глянул в комнату серый внимательный глаз.

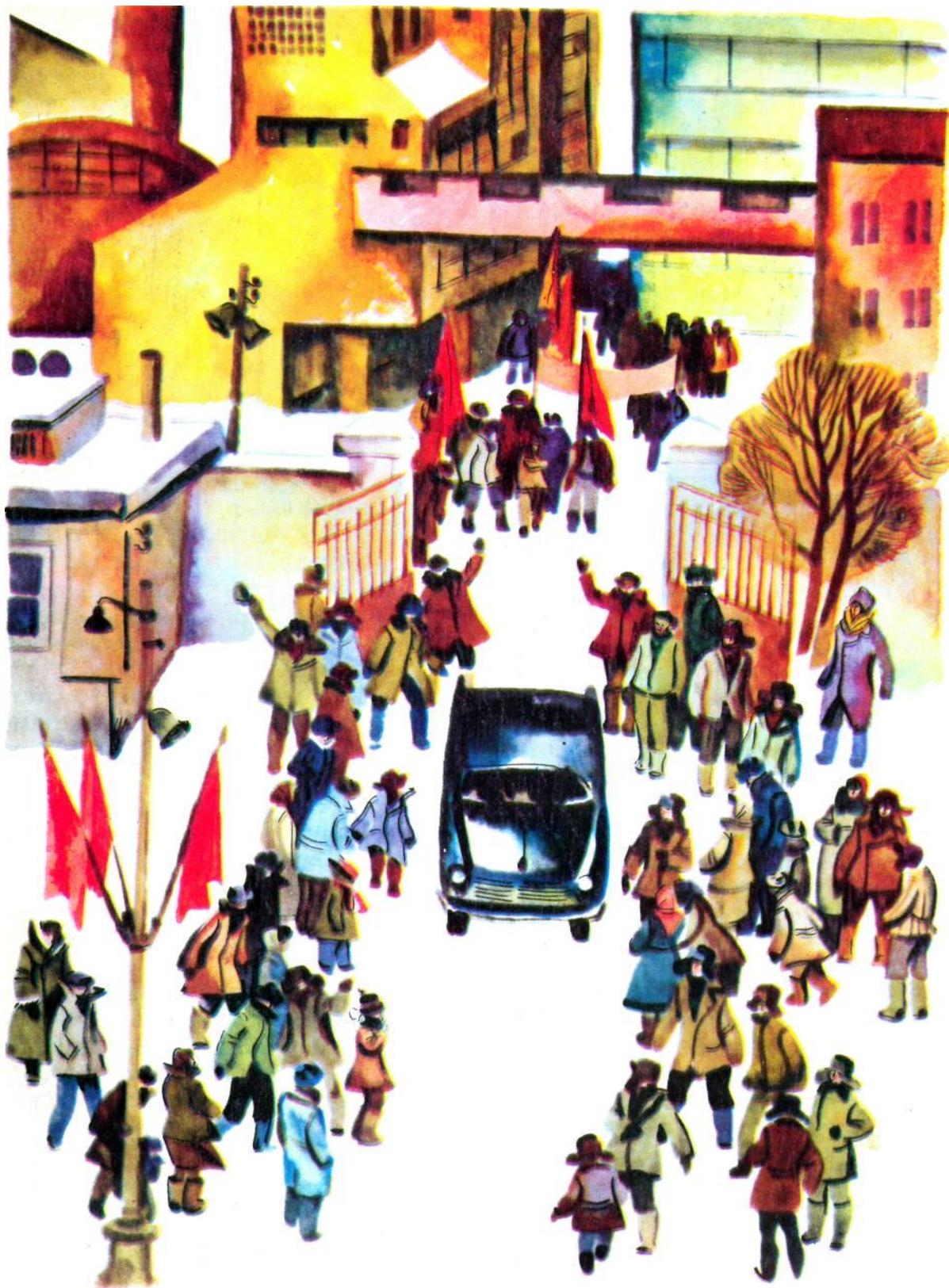
— Папа! — закричала Леночка и бросилась к двери.

Отец вошёл в переднюю и долго стучал сапогами об пол, стряхивая налипший снег. Он был очень весёлый сегодня и всех перецеловал по очереди.

— Кричите «ура»! — сказал он. — Мы выполнили пятилетку и завтра пускаем большой конвейер. Теперь-то уж вы увидите наши автомобили.

Митю не надо было долго просить. Он закричал «ура» и стал скакать по всем комнатам.

Мама обняла отца и погладила его по голове, как маленького.



Леночка одна молчала, стояла посередине комнаты и считала для верности по пальцам: один, два, три, четыре...

— Как же это получилось, Леночка? — спросил отец. — К концу пятилетки тебе должно было исполниться восемь лет. А тебе сколько?

— Года не хватает, — сказала Леночка растерянно. — Не может быть...

— Эх, ты! Не можешь догадаться! — закричал Митя. — Они герои труда и выполнили пятилетку в четыре года.

— А как же я? — спросила Леночка. — И я выполнила пятилетку: я выросла, стала большая и учусь в первом классе.

Ночью в окна, разукрашенные морозом, долго светила луна.

В доме все спали спокойным сном. На столе лежали Митины стихи и Леночкина письменная работа.

На стене в календаре появилось новое хорошее число.

Утром Митя и Леночка убежали из дому. Они хорошо знали, куда надо бежать, потому что курский Васька и горьковский Колька ещё с вечера подсунули им под дверь записку: «В десять часов утра у главных ворот».

Ворота в серой стене были распахнуты настежь. Широкая лента шоссе вбегала в них. И по дороге одна за другой шли на заводской праздник машины с гостями.

В глубине огромного заводского двора реяли красные знамёна. Стеклённые корпуса цехов горели на зимнем солнце так, словно в железные переплёты рам были вставлены зеркала, а не простые стёкла. Там, внутри, работали тысячи моторов и станков, и, казалось, сам воздух вокруг дрожит от сдержанного гула.

— Внимание! — сказал голос в глубине двора.

И все громкоговорители на заводе и в городе повторили: «Внимание!»

— Первая машина сходит с конвейера, — продолжал голос. — В баки залит бензин, и машина готова к пробегу. Она доставит в Москву наш рапорт о том, что мы выполнили пятилетний план в четыре года без двух дней.

В радиорупорах загремело «ура» и захлопали тысячи ладоней.

Раздался длинный гудок, и из ворот на шоссе выехала, набирая ход, чёрная блестящая машина. Серебряные кони на ней, казалось, летели по воздуху. Вот они сверкнули на солнце и пропали, вот и машины не видно. Через несколько часов она будет в Москве, загудит у кремлёвских ворот, и расступятся перед ней часовые.



ДЕД МАКАБКА

маленький Юрка приехал из города в деревню к бабушке в гости.

Старая бабушка обрадовалась приезду внука и, конечно, стала его расспрашивать, как он ехал и как доехал, долго ли, хорошо ли.

Внук про дорогу рассказывал подробно: ехал долго, хорошо, мягко. За постель в вагоне мама заплатила один рубль и за яблоко пятьдесят копеек...

Бабушка ахнула:

— Пятьдесят копеек за яблоко! То-то, я вижу, ты вроде голодный. А ну, погоди!

Она мигом открыла подпол и на глазах у внука провалилась под землю.

Юрка поглядел на чёрную дырку в полу с недоверием и опаской: в городе, где он жил с матерью на восьмом этаже большого серого дома, никаких таких фокусов нельзя было устраивать. Разве только если прорубить дыру из восьмого этажа в седьмой, в чужую квартиру, за что по головке не поглядят.

Бабушка под полом задержалась. Юрка помрачнел и позвал сначала тихонько:

— Бабка! А, бабка! Иди домой!

Бабушка не отвечала. Она была глуховата, старая бабушка, да и видела не очень уж хорошо и сейчас никак не могла найти в тёмном подвале банку со сметаной и горшок с творогом.

Вместо бабки из подпола вылез толстый пёстрый кот — чёрной, жёлтой и серой шерсти. Розовый кошачий нос был к тому же наполовину белым.

Этот пятицветный котище намного раньше старой бабушки нашёл в подполе сметану. Неспроста он сейчас мурлыкал на весь дом и очень вкусно облизывался.

Юрка, глядя на пёстрога кота, повеселел и перестал бояться.

— Бабка! — позвал он громко. — Вылезай сейчас же! Что ты там в темноте делаешь?

Из подвала донеслось глухо:

— Сиди, милый! Сметанку ишу.

— Не буду я есть сметану! — заявил Юрка и забубнил потихоньку: — Бабка Макабка! Бабка Макабка!

Этот хитрый человек знал, что бабушка не может услышать такое тихое дразнение. Он, Юрка, только не знал, что со двора в комнату в открытое окошко в это самое время глядела соседская девочка Маша и всё слышала. На широких подоконниках бабушкиного дома в горшках и кадках густо росли цветы. Солнце играло. Листья и травинки на окне шевелились, и среди такой зелени и цветов трудно было разглядеть Машу.

— Ай-яй-яй! — громко оказалась она, просовывая в комнату голову. Ай-яй-яй! Сидит мальчишка и дразнится. И кого дразнит? Бабушку!

— Уйди! — попросил Юрка, беспокойно оглядываясь, и тут же схитрил: — Я вовсе не бабушку дразню, а тебя. Я тебя давно вижу, только молчу. Уходи отсюда, бабка Макабка! <

— Это я-то бабка? — удивилась Маша. — Ну уж это ты врешь, дрянной мальчишка! Да я с тобой после этого и играть никогда не буду! Какая же я бабка? А ты сам кто? Старый дед.

Юрка подумал, подумал и неожиданно сказал с удовольствием:

— А что? Дед! Дед Макабка — это я и есть.

Маша фыркнула, цветы на окошке закачались, — и девочка исчезла.

Бабушка вылезла из подпола со своими горшками и крынками. Юрка съел три блюдца творога со сметаной и отправился гулять. На улице пе-

ред домом вместе с Машей стояли разные мальчишки и девчонки. Все они, когда увидели Юрку, закричали громко и весело, и Маша громче и веселей всех:

— А, дед Макабка! Здравствуй!

— Это не я дед, — сказал было Юрка, — это вот она — бабка!

Но его никто не слушал.

Всем очень понравилось, что в деревне появился такой маленький дед. Даже самый настоящий старый дед Семён обрадовался и говорил теперь с Юркой уважительно.

— А ну давай, кум, садись, посидим, покурим. Нашего с тобой полку прибыло. А то уж в деревне вроде маловато стало нас, дедов!..

Так и прозвали Юрку с тех пор дедом Макабкой. Так его долго звали.

Ему уж давным-давно надоело быть дедом, а всё звали.

Вот что значит дразниться!

А ведь он был неплохой человек, Макабка!

Товарищ Макабка

Маща жила совсем рядом, в соседнем доме, и у неё был братишка Колька, немного постарше деда Макабки годами и повыше ростом. Этот Колька часто дразнил деда Макабку и даже один раз ни за что ни про что стукнул по шее. Так что любить этого Кольку деду Макабке было не за что.

И вот однажды утром Колька сорвался с крыши. Что ему там понадобилось, никто не знал. То ли он отправился гонять голубей, то ли разыскивать отцовские удочки.

Все видели, как он полетел с самого верха головой вниз, размахивая руками и болтая ногами, и с ужасом думали, что Колька вдребезги разобьётся во дворе о дрова или старую телегу. Колькина мать, Наталья Сергеевна, стоя у колодца, выронила ведро из рук и чуть сама не упала в колодец от страха. Шутка ли — единственный сын летит, а куда — неизвестно.

К счастью, всё обошлось благополучно. Колька нырнул в кадку с дождевой водой, что стояла возле крыльца, вылез оттуда мокрый, целый и невредимый и долго ошалело стоял у всех на виду и плевался головастиками и жуками, которых за лето расплодилось в этой кадке видимо-невидимо.

И вот в тот самый момент, когда Колька выплюнул изо рта последнего головастика, он увидел, что мать стала нащупывать в заборе возле себя хворостину подлинней и покрепче. Сразу было заметно, ИТО испуг её прошёл безвозвратно.

— Гули-гули! — сказала она страшным голосом. — Полез, голубчик, за голубями? А ну, снимай штаны!



Колька открыл рот пошире, собираясь зареветь во весь голос. Что ему ещё оставалось делать?

Дед Макабка, как лев, кинулся со своего крыльца на соседский двор. Только он один видел всё, как было с самого начала. Зря и не по своей вине попал в беду товарищ.

— Тётя, не тронь! — закричал он ещё на бегу. — Это вовсе даже и не Колька сначала полез на крышу. Это наш кот полез за птицами. Колька — за ним, кот — от него! Кот — вверх, на дерево, Колька — вниз, в кадку!



— Заступник! — сказала Наталья Сергеевна растроганно. — А ну, пошли со двора хоть вверх, хоть вниз, чтоб вашего здесь духу не было! Нет с вами покоя ни днём, ни ночью. Парашютисты!..

Ну и, разумеется, два друга, не дожидаясь лишних напоминаний, удалились от сердитой этой женщины.

На улице Колька долго глядел на товарища.

— Выручил, Макабка! — сказал он с удивлением. — Хм!

Вот тебе и «хм»!

Дед Макабка был справедливым человеком.

Рыбак Макабка

Дед Макабка поймал ерша. Маша и Колька смастерили ему удочку, совсем настоящую, с крючком, поплавком и грузилом. Вместе с Машей он отправился йа реку, на мост, сел рядом с настоящими рыбаками, поглядел по сторонам, поплевал на червяка и закинул длинную леску в воду.

Ерш схватил приманку. Поплавок нырнул, рыбаки со всех сторон закричали: «Тащи! Тащи!» Дед Макабка дёрнул удилище, и колючий растопыренный ёрш пулей -вылетел из воды и упал на мост.

Дед Макабка ухватил свою добычу обеими руками и кинулся бежать к дому, позабыв на мосту удочку и банку с червяками. С разбегу он влетел в калитку и едва не ушиб до смерти щенка Шарика и кота Ваську.

— Вот! — сказал Макабка и положил ерша на крыльцо. — Поймал!

Все домашние тогда подошли к крыльцу — глядеть улов: бабушка, Шарик, две безымянные курицы, гусь Кепка, кот Васька и петух Павлин.

Дед Макабка с подозрением поглядел на кота: не украл бы Васька ерша. Кот с малолетства был на лапу нечист. Но Васька хорошо знал ершову породу и связываться с колючей рыбёшкой не захотел.

На дереве во дворе сидели знакомые воробьи: они и без того нехорошее чирикали про Ваську.

Беда пришла неожиданная и нечаянная.

Петух Павлин высунулся вперёд, клюнул ерша в голову, перехватил поперёк и, хлопая крыльями, полетел по двору. У всех на глазах Павлин вознёсся на курятник и в три глотка управился с ершом вместе с колючками. Даже кот Васька, сам жулик, не ожидал от петуха такой прыти.

Конечно, дед Макабка должен был заплакать. Никакой ведь он был не дед, а просто маленький мальчишка, и ерша он поймал первого в своей жизни.

Дед Макабка не заплакал. Он погрозил петуху Павлину кулаком, повернулся, поправил, как полагается, свои штаны с белыми пуговицами и зашагал вон из дому. Маша побежала за ним следом.

На мосту, на речке, он нашёл свою удочку и банку с червяками, сел и поймал второго ерша.

Все тогда сказали: «Рыбак!»

)

Доктор Макабка

Щенок Шарик заболел. О» сидел у ворот один-одинёшенек и печально смотрел на гуся Кепку. У этого гуся на голове была такая нашлапка с козырьком, лотому его и прозвали Кепкой.

Кепка, переваливаясь, бродил по дороге и подбирал арбузные корки

под самым носом у Шарика. Кепка никак не мог понять, почему лохматый Шарик не лает и не прыгает. Вчера только они бегали вместе и ловили друг друга за хвосты, а сегодня — вот...

Кепка захлопал крыльями и закричал по-гусиному:

«Нехорошо! Эй, люди!»

Дед Макабка вышел из дому. Кепка скрылся в подворотне, а Шарик не двинулся с места и посмотрел на Макабку строго и непонятно. Большая мутная слезинка ползла по щенячьему носу. Чистая блестящая шёрстка Шарика стала пыльной и тусклой.

Макабка сейчас же побежал к бабушке и доложил, что Шарик плачет, и бабушка очень обеспокоилась. Собаки, маленькие и большие, никогда не плачут зря. К вечеру Шарик слёг. Бабушка принесла ему молоко в плошке. Он понюхал плошку и лизнул бабушке руку, а пить молоко не захотел.

Деду Макабке стало так жалко Шарика! Еле-еле он дождался утра и, как только бабушка ушла на огород окучивать картошку, тотчас же побежал к Маше. У неё во дворе стояла старая детская тележка. Дед Макабка положил в тележку соломы, на солому уложил Шарика и сверху накрыл щенка собственным своим одеялом. Наружу торчали только чёрный шершавый собачий нос, одно ухо и один глаз. А потом Макабка смазал сливочным маслом колёса у тележки, чтобы они не скрипели и не беспокоили Шарика, и они поехали.

Дед Макабка хорошо знал, где помещается колхозная лечебница для коров, лошадей и поросят. В эту лечебницу Маша ещё вчера носила ягнёнка, а дед Семён водил козу. Туда вот и поехал поутру со своей тележкой дед Макабка.

— Шарик заболел, — сказал он коротко ветеринарному фельдшеру Фёдору Фёдоровичу. — Надо лечить.

Фёдор Фёдорович посмотрел на деда Макабку и на Шарика. Шарик тоже посмотрел на фельдшера одним глазом, и дед Макабка посмотрел... Оба они хорошо и жалобно посмотрели на фельдшера.

— Ладно, — сказал тогда Фёдор Фёдорович. — Сейчас я поставлю поросёнку компресс и дам чёрной корове касторку, а потом займёмся Шариком...

Этот колхозный фельдшер долго лечил Шарика. Шарик был тяжело болен, и ему впрыскивали лекарство — пенициллин. Каждый день дед Макабка привозил Шарика в лечебницу на приём и увозил обратно домой. И три раза в день кормил щенка сахаром.

И вот как-то незаметно Шарик стал поправляться. Он понемножку пил молоко и вилял хвостом, и шёрстка на нём опять посветлела и заблестела на солнце.

А потом вдруг в лечебнице, во дворе, Шарик вылез из тележки, вильнул на прощание хвостом фельдшеру и побрёл, пошатываясь, домой на своих





четырёх лапах. Хватит, мол, поболел, пора и честь знать. До свиданья, товарищи доктора, привет!

Гусь Кепка и петух Павлин подняли крик на всю улицу, когда увидели, что Шарик сам, на своих ногах, идёт домой. Бабушка вышла на крыльцо встречать щенка. Колька и Маша прибежали поздравлять Шарика с благополучным возвращением.

Бабушка долго потом благодарила фельдшера Фёдора Фёдоровича, а он смеялся и отвечал:

— Не за что! Вылечил Шарика вовсе не я, а знаменитый доктор Макабка!

Все это слышали.

Макабка-путешественник

Макабка проснулся рано. Солнце светило в окна прозрачным холодным светом. Горшки и кастрюльки возле печки стояли вверх доньшками — стало быть, бабка ещё не поднималась.

Дед Макабка надулся и повернулся на левый бок, лицом к стенке. Он уже собрался засыпать заново, досматривать сон про Будённого, Покрышкина и Щорса, но под окном в саду кто-то вздохнул и фыркнул, и Макабка перекатился с левого бока на правый.

Цветы на подоконнике шевельнулись, чёрная страшная морда просунулась в комнату и зацепила длинными губами куст колючего столетника. Столетник — Макабка это знал по собственному опыту — горчил отвратительно, как самое плохое лекарство от лихорадки. Чёрная морда пожевала его немного, сморщилась и в негодовании выплюнула на пол мятые колючки. Ага! Не любишь!

Макабка в азарте вскочил на ноги.

Морда глядела на Макабку в упор чёрными добрыми глазами. Макабка всё понял и тотчас же вылетел во двор. Лошадь председателя Ивана Антоновича отвязалась у коновязи и забрела к Макабке в палисадник. Лошадь под седлом и с уздечкой! Раз в сто лет такие лошади отвязываются и попадают в руки Макабкам! Прощай, бабка! Прощай, Маша!

Очень долго Макабка, пыхтя, в поту, влезал на карего иноходца. После многих зряшних усилий он догадался подвести Карего к скамейке под окном и уже оттуда, перекинув поводья на шею коню, взобрался в седло. Где-то далеко внизу оказалась земля и трава, и на полдороге до земли болтались великолепные недосягаемые стремяна. Ну и ладно! Тпру! Но! Поехали! Без стремян!..

Карий вышел из калитки боком, оглядываясь, храпя и косясь на Макабку, — это ещё что за птица уселась на спину? Конь понимал и осуждал своё нехорошее поведение — ни с того ни с сего удрал от хозяина, как же-

ребёнок-стригунок. Но, с другой стороны, надоедает и коню стоять на одном месте!

— Куда? — Макабка потянул на себя левый повод.

Конь удивлённо выгнул шею — повод тянул за околицу. Макабка сидел в седле неслышный и лёгкий, как пушинка. Карий повернул в поле.

Вот это был день! Никогда ещё Макабка не видел землю с такой высоты и такую большую.

Они не успели проехать и первое поле жёлто-золотистого льна, когда их с отчаянным лаем догнал Шарик. Щенок кубарем покатился под копыта коню. «Куда ты его везёшь, лошадиная твоя морда? Слезай! Куда залез! — лаял он на Макабку. — Матушки! Батюшки! Гав-гав!» Еле-еле Макабка и Карий успокоили Шарика. Карий что-то по-своему, по-лошадиному, объяснил щенку, а дед Макабка бросил ему ещё и кусок сахара.



Шарик сразу перестал лаять и прыгать: когда человеку худо, он сахаром не швыряется. Они втроём отправились путешествовать: дед Макабка, конь и щенок.

Карий старался не вспоминать о председателе Иване Антоновиче. Седок ему попался легче и по весу и по характеру. Никто не видел из колхозного начальства, как конь за бугром с удовольствием схрупал две метёлки молодого овса, и Карий проникся к Макабке любовью и нежностью. Попробовал бы кто хрупать колхозный овёс при самом председателе!

По всей широкой колхозной земле катал в этот день Карий Макабку.

В лес привёз, где столько растёт грибов и ягод, Шарик выгнал из-под одного куста рыжего зайца, а из-под другого — серую лису, и Макабка очень удивился: на лето звери поменялись цветом.

В поле привёз, где косили высокую рожь. Даже комбайнер Пётр Иванович остановил свой громадный корабль-комбайн и долго смотрел с великим удивлением, как едет на председателевом иноходце по колхозному полю богатырь-путешественник Макабка.

И на полевой стан привёз в конце концов. На этом самом стане сидел у палаток председатель Иван Антонович и охал и ахал: конь у него пропал неизвестно куда!

— Шутка ли дело? — тосковал председатель. — Убежал! Вернётся, говорите? А вчера в Чёрном овраге видели волка...

Он даже пообещал высокую колхозную награду тому человеку, который приведёт ему коня живого и здорового. И как только вымолвил председатель такие слова, показался из-за бугра на карем коне дед Макабка!

Выдали ему награду!

Кавалер Макабка

Утром в воскресенье бабушка заметила, что её дорогой внук Макабка сидит за столом, молчит и во все глаза смотрит в одну точку. Бабушка тоже поглядела в эту точку. На самом светлом окошке у бабушки рос большой куст крымской камелии, весь покрытый белыми красивыми цветами. Дед Макабка глядел на этот куст не отрываясь и для чего-то зажимал в кулаке острый столовый ножик.

— Смотришь? — спросила бабушка ласковым и проникновенным голосом. И вдруг не выдержала: — На что смотришь? Зачем ножик прячешь под скатертью? Я тебя, ты не думай, насквозь вижу, такого-сякого!..

Дед Макабка поплотней застегнул на животе две пуговицы — просматриваться насквозь ему не хотелось — и посмотрел на бабушку добрыми и послушными глазами.

— А я все цветы и не буду отрезать, — сказал он добродушно. — Я половину тебе оставлю. Ты, бабушка, садись... садись... не кричи!

Тут же выяснилось, что сегодня у Маши день рождения и ей исполнилось ужасно много лет — целых восемь. И деду Макабке неудобно идти к Маше в гости без подарка.

Он сам видел, как одной дачнице дарили на рождение цветы, целую охапку. А что, Маша хуже дачницы?

— Хм! — сказала теперь бабушка. — Цветок-то мне, внучек, разорять жалко. Но и с пустыми руками к Маше ходить не след.

Бабушка задумалась и думала о чём-то долго, целый час, а может быть, и больше. А потом она взяла чистую тряпку и вытерла пыль с цветка, с каждого листика...

— Дарить так дарить, — сказала бабушка. — Тащи уж тогда весь горшок. Поднимешь?

— Подниму, — сказал дед Макабка. — Подниму и не разобью, не беспокойся.

Все так и ахнули, когда он появился на пороге Машиного дома с огромным цветочным кустом в руках, за которым и не видно было самого Макабки.

— А ведь ты, дед Макабка, — кавалер! — сказал дед Семён.

— А что? — ответил Макабка невозмутимо. — Конечно, кавалер.

Все засмеялись, а Маша сказала:

— Спасибо тебе, Юрик!

Ну, и тогда все наперебой стали хвалить деда Макабку:

— Товарищ он?

— Товарищ!

— Рыбак?

— Рыбак!

— Доктор?

— Доктор!

— Путешественник?

— Путешественник!

— Кавалер?

— Кавалер!

Ну так какой же он Макабка? Просто он хороший человек. Вот и всё.





ЗЕЛЁНАЯ БУКАШИНА

У вечера, как полагается, Вася Смирнов приготовил уроки и целых две страницы в тетрадке исписал всякими хорошими словами: «Солнышко светит», «Ручьи бегут», «Мы с товарищем идём в школу». Очень красиво и чисто были все эти слова написаны.

Но утром кошка Матрёшка залезла на стол и опрокинула бутылку с чернилами на тетрадку, всё залила, испачкала и испортила, а сама уселась как ни в чём не бывало на подоконнике. Всё равно, мол, перепишет этот школяр свои закорючки заново, стол вымоют, и дело как-нибудь обойдётся.

— Нет, пучеглазая, — сказал Вася со злостью, — врешь, не обойдётся.

ся! Не буду я всё начинать сначала! Пусть пропадают слова и буквы, точки и запятые! Как жить на свете человеку, если каждая кошатина становится ему поперёк дороги!

Бросил он грязной тетрадкой в кошку, расстроенный вышел из дому и в саду сел на скамейку под старой липой.

Невесёлые мысли лезли ему в голову.

«Конечно, — думал Вася, — учитель Андрей Константинович двойку поставит не кошке, а мне. Но ведь испачкала тетрадку всё-таки кошка! Есть ли на земле правда? Мыслимое ли дело одну и ту же работу делать два раза! А если кошка ещё раз опрокинет чернила?»

Грустно он понурил голову и вдруг увидел, что в траве под скамейкой ползет куда-то по своим делам маленькая зелёная букашина.

— Ползёшь? — сказал Вася с завистью. — Хорошо тебе ползать по ровному месту. В школу идти не надо — ползи куда хочешь, никто тебе не мешает, и никто твои тетрадки не пачкает. Влезла бы ты, зелёная букашина, в мою шкуру, тогда бы узнала, почём сотня гребешков, как говорит Миша Сазонов, мой друг и товарищ.

Взял Вася большую щепку и, сам не зная зачем, загородил букашине дорогу.

Остановилась букашина. Что за беда такая? Была дорога — нет дороги. Не было щепки — есть щепка. Пошевелила букашина усами, поцарапала ножками — цап-караб! — перелезла через щепку и поползла потихоньку дальше.

— Ишь ты, какая настойчивая! — пробормотал Вася, и стало ему почему-то обидно.

Взял он большую ветку, швырнул её к букашине на тропинку, сверху насыпал сосновых шишек, а всё это ограждение придавил камнем-голышом.

Неодолимая, казалось, стена выросла на букашином пути.

— Ага! — сказал Вася злорадно. — Не любишь?

Недолго стояла букашина на одном месте. Пошевелила она усами, почистила лапки одна о другую — цап-караб! — и полезла на стену. Усы подняла кверху, чтоб не мешали, лапка за лапку, с ветки на шишку, с шишки на ветку, с ветки на камень, с камня на травку — и перелезла!

— Ишь ты, какая упорная! — сказал Вася Смирнов, и стало ему почему-то стыдно. — А куда это ты всё торопишься и по каким таким делам ползёшь?

Ничего не ответила ему букашина. Некогда ей было разговаривать попусту.

Посмотрел Вася ещё раз повнимательней и увидел, что неподалёку под синим цветком колокольчиком сидит большой зелёный букаш.

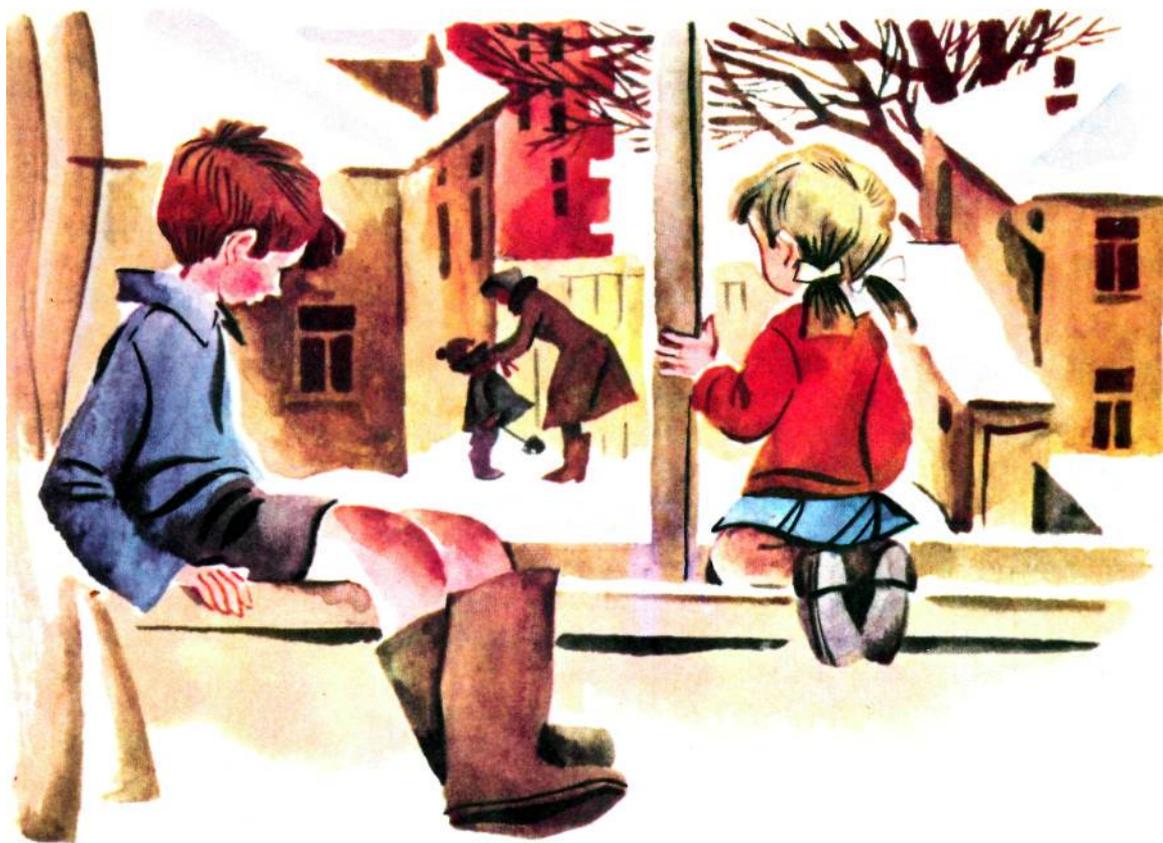
Подползла к нему маленькая букашина, постукали они усиками друг о друга, поговорили о своих букашиных делах и разошлись. Вот, ока-

зывается, куда лезла с таким упорством и настойчивостью маленькая букашина!

И тут Васе подумалось: «А что, если этот большой зелёный букаш и есть ихний букашиныи учитель, вроде нашего Андрея Константиновича? А может быть, у них под цветком колокольчиком как раз и помещается букашина школа?»»

Встал он со скамейки и пошёл домой заново переписывать в чистую тетрадку умные, хорошие человеческие слова.





РАССКАЗЫ О МАМЕ

Обида

Утром в воскресенье дети сидели на подоконнике и глядели во двор: ждали маму.

Во дворе дотаивали на солнце снежные кучи, и от крыльца к воротам под горку бежал ручей. Мохнатое существо, закутанное в платки и башлыки, похожее на медвежонка, носило на лопатке снег — от кучи к ручью.

— Нюшка, — сказала Маша с завистью, — гуляет. А мы тут сидим.

— Ну и что, — сказал Миша. — Мама сейчас придёт, и мы тоже пойдём гулять. Вон она, мама, в воротах, гляди, бежит.

Мама у Маши и Миши была молодая, тоненькая, как девочка, мама-подружка.

Папа плавал на ледоколе далеко в море, такая ему попала служба, мама работала на фабрике, и дети часто и подолгу оставались дома одни с бабушкой.

Маму свою Миша и Маша любили.

Сегодня мама задержалась во дворе, и брат с сестрой глядели на эту задержку с неодобрением. Неужели она не понимает, её дети ждут! Что за человек! Ни с того ни с сего мама остановилась возле мохнатой Нюшки и долго смотрела на неё и смеялась. А потом стала завязывать и перевязывать бесчисленные Нюшкины шарфы, платки, башлыки, тесёмки от варежек и тесёмки от шапкиных ушей. Нюшка, видно, была довольна, стала крутить головой в разные стороны, а раньше не могла. А под конец, что уж было совсем ни к чему, мама расцеловала Нюшку в круглые красные щёки. Маша даже отвернулась, чтоб не видеть такое.

— Ну, — наконец сказала мама, — где мои дети? Куда они делись?

Молчание в комнате испугало маму.

— Что случилось?.. — спросила она громко. — Почему молчите?

— Мы на тебя обиделись, — мрачно сказала Маша. — Мы здесь!

— Обиженные, — подтвердил Миша.

— За что? — спросила мама.

— Сама знаешь за что, — сказал Миша. — Зачем Нюшку целовала?

Она что — твоя?

— Не твоя, — сказала Маша. — Не надо было её целовать.

— Башмаки у неё всегда развязываются, — сказал Миша. — Вчера у неё гамаша с ноги слезла и намокла. Нос у неё мокрый. Ты бы ей ещё нос вытерла.

— Вы, мои милые дети, что-то сегодня ерунду говорите, — сказала мама. — Я Нюшу люблю, она хорошая девочка. Нос у неё сухой. Живёт она на нашем дворе, в нашем государстве. Мы с Катей, её матерью, рядом за станками стоим и на вас, шалопутов, работаем. А вы, дети мои, — глупые ревнивые дураки!

— Ладно, — сказала тогда Маша совсем обиженно. — Пусть глупые. Целуй умных.

Маша с Мишей залезли за диван и долго там сидели и шептались.

— Так, — говорил Миша громким, на всю комнату, шёпотом. — Мы на тебя ещё и папе пожалуемся, когда он придет, чтоб не обзывала дураками. Мы тебе устроим.

— Жалуйся, ябеда, — сказала мама с другой стороны дивана. — Устраивай. Очень мне только интересно, вы со мной, обиженные, пойдёте гулять или останетесь дома?

Дети за диваном минуту помолчали.

— Можем пойти, — сказал Миша.

— Сделайте такое одолжение, — засмеялась мама. — Пожалуйста, пойдёте.

Бабушка осталась печь пироги. Дети отправились с мамой в зоопарк, ходили там по мокрым весенним дорожкам.

Мама сказала:

— Отойдите от загородки подальше. У этого верблюда страшная морда, и он может на вас плюнуть.

— Верблюд этот совсем не страшный, — сказал Миша. — Это наш верблюд!

Маша добавила твёрдо:

— Мы этого верблюда любим. Нюшка плюётся, когда сердится, а этот верблюд никогда.

— Вот что, — сказала мама и посмотрела на ребят с великим удивлением. — Вот что, — повторила она. — Вот, значит, какие мы!

Мама схватила в охапку Мишу и Машу и стала их тормошить и целовать, а они кричали:

— Пусти! Целуй свою Нюшку!

Вечером Миша и Маша опять сидели за диваном. На этот раз они загадывали и разгадывали трудную загадку: за что они на маму обиделись?

Загадку эту они так и не разгадали: обижаться было не за что, да и вспоминалась обида с большим трудом.

Надо и не хочется

С вечера у мамы разболелась голова.

Ночью Маша проснулась и увидела: мама сидит у стола под лампой и обеими руками сжимает голову у висков, так ей больно.

Маша сказала спросонок:

— Милая мамочка, мне тебя жалко.

И опять заснула.

Утром мама, как всегда, встала рано. Миша и Маша лежали и смотрели, как мама расчёсывает перед зеркалом волосы, а потом на кухне застучал крышкой чайник, бабушка вошла и сказала:

— Ну, лежебоки! Вставайте на работу. Живо!

Маша сказала:

— Работы у нас никакой нет, мы маленькие.

Миша сказал:

— Это ты маленькая, а я большой. Работа у меня есть: состругать табуретку. Кот её ободрал когтями. Можно её, конечно, состругать завтра...

Маша сказала:

— Мне надо сшить Матрёшке платье. Табуретка твоя — ерунда.
— Хватит разговаривать, — сказала бабушка и сдёрнула с ребят одеяла. — Мать сейчас уйдёт.

Мама сидела за столом бледная. Она и чашку с чаем не допила и плюшку не доела, а только сказала:

— Милые мои товарищи! Если бы вы знали, как вашей маме сегодня не хочется идти работать!

— Не хочется и не ходи, — сказал Миша. — Сиди дома.

— Конечно, не ходи, раз не хочется, — сказала Маша.

Мама посмотрела на ребят с удивлением и вроде даже не поняла, что они говорят.

— А как же быть, дети мои, если надо? — сказала она, стукнула Мишу легонько по затылку, поцеловала обоих ребят, оделась и ушла.

Сели ребята на диван, наморщили лобики и задумались. Думали, а о чём, кто знает?.. Часто, что ли, они так задумываются.

— Иди, стругай табуретку, — сказала Маша.

Миша покачал головой и сказал:

— Чего-то не хочется.

— Надо! — строго сказала Маша. — Бабушка об неё вчера занозила палец.

Осталась Маша одна. Сшить, что ли, платье Матрёшке или не сшить? Не хочется. А надо. Не ходить же Матрёшке голой.

Мама всё понимает

Совсем, казалось, весна пришла, и вдруг небо нахмурилось и сверху посыпался снег. Миша и Маша пошли к бабушке на кухню и долго стояли возле плиты и молчали.

— Ну, — сказала бабушка, — говорите сразу, что надо.

Сразу говорить дети почему-то не умели.

— На улицу ты нас не пустишь, — сказала Маша.

— Не пушу, — подтвердила бабушка.

— Мы и не просимся, — сказал Миша.

— На улице грязно, — сказала Маша.

— Мокро, — добавил Миша. — Холодно.

— Скучно, — сказала Маша. — На улице никого нет.

— Какие умные дети! — воскликнула бабушка. — Ничего им объяснять не надо. Всё видят, всё знают сами.

— Милая бабуся, — сказала тогда Маша, — позволь, пожалуйста, мы позовём к себе Ньюшу и Федю.

— Гм! — сказала бабушка.

— Пожалуйста, — сказал Миша жалобно.

— Мы ничего не испачкаем и не разобьём, — сказала Маша. — Будем сидеть тихо.

— А во что вы будете играть? — спросила хитрая бабушка. — В футбол?

— Миша будет нам рассказывать про своё путешествие в Африку, — сказала Маша.

— Про чьё путешествие? — переспросила изумлённая бабушка.

— Про своё, — сказала Маша. — Очень интересно.

Через полчаса Нюшка и её братишка Федя сидели в гостях у Миши и Маши. Нюшка, когда с неё сняли шарфы, платки, шубку и варежки, оказалась очень гладенькой, толстой девочкой, и они с Федей были похожи друг на друга, как два мячика.

Дети сидели в комнате на самом деле тихо. Бабушка долго недоверчиво прислушивалась к тишине, а потом вытерла руки, отставила суп с конфорки и тоже пошла слушать про путешествие.

Миша, оказывается, в Африку уже приехал и теперь ходил в дремучем тропическом лесу и охотился на диких зверей. Нюшка и Федя слушали его молча, раскрыв рты и всему верили.

Миша рассказывал здорово.

— Иду — никого нет. Сяду — лев! Сяду — тигр с тигрятами!

— Ой! — сказала Нюшка чуть слышно. — Я боюсь.

Миша посмотрел на неё презрительно.

— Иду дальше, — продолжал он. — Опять никого. Сел — обезьяна, как Нюшка, мохнатая. Макака! Не стал стрелять! Иду. Сяду — удав! Сяду — бегемот! Раз, и готово!

— Ты бы уж постоял, что ли, отдохнул, — сказала бабушка, явно жалея внука. — Легко ли эдак, вприсядку, по Африке.

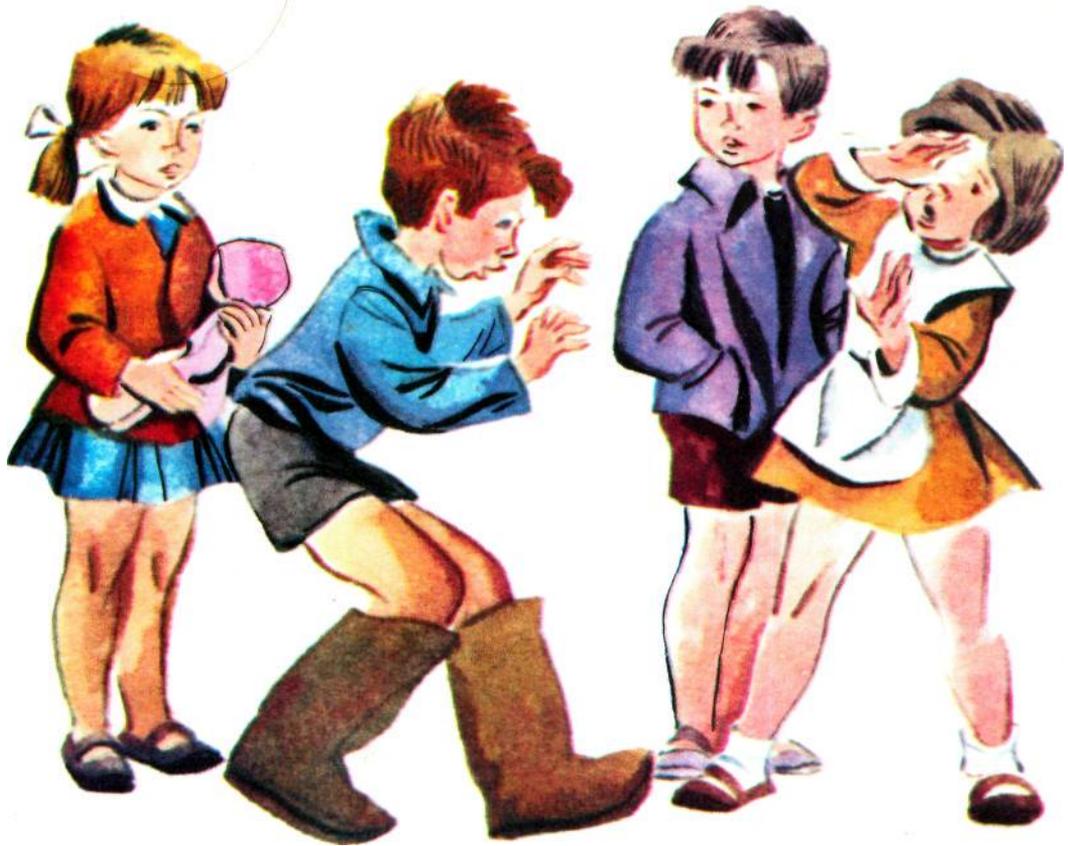
— Ты, бабушка, в охоте не понимаешь, — сурово объяснил Миша. — Если стоять — звери не подойдут близко, увидят.

— Теперь-то уж поняла, — сказала бабушка. — Конечно, охотничье дело тонкое. Спасибо, внук, за науку. Нюшку только не обижай и макакой не зови! Сидите, сидите, я вас скоро чаем поить буду с вареньем.

Бабушка удалилась на кухню успокоенная и примирённая с Африкой. Увы! Тишина не продлилась до чая. Скоро из комнаты раздался страшный рёв и вой, и спустя минуту в кухню долетел отчаянный Нюшкин вопль. Это Миша, оказалось, нечаянно превратился в тигра, потом обратно в охотника, потом из охотника во льва. Лев прыгнул на Нюшку и защёлкал зубами...

Всё остальное бабушке не надо было рассказывать. Льву попало веником, Нюшке выдали конфету вне очереди. Чайник закипеть не успел.

Миша решил возвращаться из Африки. Скоро оттуда не доедешь. Хорошо, что у него под рукой была волшебная мамина кровать с блестящими никелированными шарами у изголовья. На этой кровати можно, как на са-



молёте, лететь куда угодно. Нужно только повернуть в разные стороны два блестящих шара, и кровать вылетит в окно мигом. Лучше всякого самолёта.

— Пожалуйста! — Миша пригласил слушателей садиться.

Не оставаться же им в африканских лесах без Миши. Трудно будет только удержаться вчетвером на пружинном матрасе: как-никак вылетать с третьего этажа.

— Держитесь крепче! Лезьте! Нюшку мы подсадим.

Нюшка побледнела и сказала коротко:

— Не полечу!

Миша сказал:

— Ерунда. Лети!

Нюшка схватилась за диван и за ковёр на полу обеими руками. Голос у неё стал переходить на визг, словно на улице с ходу притормаживали машину.

— Не полечу. Не трогай. Аи!

Миша сказал громко:

— Федька! Помоги мне её отодрать от дивана.

Маша сказала:

— Чудачка! Это охотничьи рассказы. Никто никуда не полетит.

Нюшка завизжала удивительно, ни на что не похоже. Бабушка в коридоре выронила чайник из рук; хорошо, что не обварилась. Нюшку успокаивали полчаса.

Вечером бабушка сказала маме категорически:

— Наташа! Мишку надо за враньё выпороть. Язык у него подвешен не как у людей. С таким языком долго ли до беды. Нюшку он сегодня напугал до полусмерти.

Дети за диваном слушали со страхом.

Маша прошептала:

— Очень уж Нюшка кричала пронзительно.

— Бабке, конечно, вся вера, — пробурчал Миша, прислушиваясь. —

Ишь ты, расписывает.

Бабушка тем временем досказывала происшествие до конца.

— А ведь это, пожалуй, и не враньё, — задумчиво сказала мама.

— А что? — спросила бабушка.

— Фантазия, — ответила мама тихо. — Выдумка. А ну, подите сюда, охотники.

Дети вылезли из-за дивана и стали «руки по швам».

— Как там погода в Африке? — спросила мама.

— Тёплая, — сказал Миша и подмигнул Маше: мама всё поняла.

Мамины руки

Такой это был несчастный, нехороший день!

С утра до вечера Маша капризничала, ссорилась с бабушкой, в комнате убираться не стала, читать не училась, в тетрадку ничего не писала, а только сидела в углу и хлюпала носом.

Мама пришла, и бабушка ей пожаловалась: целый, мол, день капризничает девчонка и никакого сладу с ней нет.

Мама спросила:

— Что же с тобой, дочка, делается? Ты не больна ли? — и положила Маше на лоб свою руку.

Руки у мамы были удивительные: сухие, чуть шершавенькие, но такие лёгкие и добрые.

На этот раз Маша только головой мотнула и стряхнула с себя мамины руки.

— Фу, — сказала она. — Фу, мамочка! Какие у тебя руки нехорошие.

— Ну вот! — удивилась мама. — Сколько лет жили-дружили, а теперь стала нехороша. Чем же тебе, дочка, мои руки сегодня не понравились?

— Жёсткие, — ответила Маша. — Царапаются.

Мама посмотрела на свои руки, Маше показалось, грустно.

— Руки обыкновенные, — сказала мама. — Рабочие руки. Ничего уж с ними не поделаешь.

Встала и ушла в ванную мыться.

Маше так вдруг стало жалко маму.

Она уже хотела бежать за ней, бабушка не пустила.



— Сиди! — сказала бабушка грозно. — Сиди! Мать обидела ни за что. Руки у твоей матери золотые, это все знают. Материными руками добра сделано — на десять таких, как ты, хватит; полотном, которое мать на-ткала, полземли устлать можно. Даром что молода, а сноровиста. Мать у тебя не белоручка, работница, плохого в том нет. Станешь к станкам на материно место — дай тебе бог такой быть, обидчица!

— Я её обидеть не хотела, — сказала Маша, плача.

— Не хотела, да обидела, — сказала бабушка. — Так тоже бывает. За языком поглядывай. Руки у твоей матери верно, что жёсткие, а вот сердце мягкое... Я бы на её месте тебе как полагается всыпала, горячих... Надрала бы уши.

Мама вернулась и услышала, как бабушка ворчит, а Маша плачет, и сразу не разобралась, в чём дело.

— Не стыдно тебе ещё и бабушку обижать, — сказала она. — Сердце у бабки отходчивое. Я бы на её месте...

— Знаю, знаю! — закричала Маша неожиданно весело и бросилась к матери целоваться и обниматься. — Знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказала мама. — А если знаешь — говори.

— Знаю, — сказала Маша. — Ты бы на бабушкином месте надрала мне уши. Я ведь твои руки обидела.

— Ну и надеру, — сказала мама. — Чтоб не обижала.

— Бабушка тоже говорила, — сказала Маша из угла, — что если бы она была на твоём месте, то надрала бы. А на своём — вы обе не можете.

Бабушка и мама переглянулись и засмеялись.

Мамино горе

Что такое счастье — кто знает? Мама говорила: счастье у каждого своё. Так, наверно, и есть на самом деле.

Бабушкино счастье свой срок на земле отслужило и лежало завёрнутое в бумажку в большой красной коробке у бабушки на комод. Миша и Маша один раз залезли потихоньку в красную коробку, когда бабушки не было дома, и нашли в ней две дедушкины медали и тоненькое золотое колечко. Дедушку убили на войне. Дети это знали. Бабушкино счастье они завернули обратно в бумажку, коробку поставили на место и целый день сидели по разным углам и опять думали.

Дети привыкли верить в мамино счастье. Мама у них была счастливая. Вот и сегодня она вернулась с работы, бабушку обняла и сказала:

— Нашу Трёхгорку сегодня наградили орденом Ленина. Ой, как я рада!

Бабушка спросила:

— А тебя, дочка, не наградили?

Мама ответила весело:

— Меня в этот раз не наградили. Наградной лист нам, говорят, пишут.

Бабушка сказала:

— Характер у тебя, Наталья, счастливый. Умеешь ты радоваться не за себя, а за других. Это хорошо.

Через три дня всё стало плохо. Мама сидела с бабушкой за столом и пила чай, дети лежали в кроватках и шёпотом ссорились. Маша сегодня сломала Мишину удочку — доставала удочкой из-под дивана катушку с нитками. Конечно, Миша сердился. Маша отдавала за удочку матрёшкину синюю кофту, Миша не брал и требовал две тетрадки и красный карандаш. Вдруг мама сказала:

— Такое горе, такое горе... Катя заболела.

Миша даже привскочил на кровати и опять лёг. Вот тебе и раз. А они думали, что у счастливой мамы горя никогда не бывает.

Бабушка сказала по-своему:

— Ты, Наталья, не расстраивайся. Всё перемелется, мука будет. Поправится Катерина, вот увидишь. Это ведь не царское время, когда рабочему-человеку жизни не было. Вылечат. Только надо её лечить с умом и со скоростью.

Мама сказала:

— Кате фабричный комитет дал бесплатную путёвку в санаторий, и завтра она уезжает. Всё равно спокойно.

— Характер у тебя, Наталья, скверный, — вздохнула бабушка. — Горюешь не за себя, а за других.

— Катерина — моя сменщица и подруга, — сказала мама сурово. — Кому же о ней горевать, как не мне. Дети останутся одни на целый месяц.

— С таким гореваньем тебя надолго не хватит, — сказала бабушка.

— Хватит и останется, — сказала мама. — Мы народ крепкий.

— Останется! — подтвердили дети радостным хором. — Мы крепкие.

Мама даже вскочила со стула.

— Спать сейчас же! — рассердилась мама. — Это ещё что за фокусы? Вот уж действительно горе моё.

— А вчера говорила, что радость, — пробормотал Миша. — Тебя пойми.

На другой день мама вроде была весёлая, ходила по комнате и пела. Маша теперь сидела у стола хмурая и молчаливая. Миша в углу стругал табуретку.

Мама посмотрела на Машу.

— Ну, — сказала она, — что затуманилась?

— Ничего я не затуманилась, — сказала Маша. — Нюшка и Федя остались одни. Тётя Катя уехала.

— Тебе-то что, — сказала мама. — Уехала и уехала.

— Нюшка — моя подруга, — сказала Маша. — Кому же о ней беспокоиться, как не мне.



— Федька плачет с утра, — сказал Миша.

— Возьмём Ньюшку и Федю к нам жить, пока тётя Катя не вернётся, — сказала Маша.

— Конечно, возьмём, — сказал Миша. — Зачем беспокоиться зря. Взяли, и делу конец.

Так и решили. Взяли Ньюшку и Федю. Жили все вместе целый месяц. Выздоровела тётя Катя и вернулась. Бабушка сказала:

• Ну вот, жители. Погоревали, и хватит.

Конец

Все как будто несчастья кончились, точно их и не было, а всё-таки какая-то грустинка из дома не убежала и где-то в нём спряталась.

Миша и Маша слышали: мама, когда в комнате гаснет свет, о чём-то

вздыхает, а ночью иногда вдруг вскрикивает. Бабушка тогда просыпается и говорит маме:

— Спи, Наташа, спи, милая.

Дети забеспокоились и пошли к бабушке: нет ли у мамы ещё какого горя, чем они могут маме помочь?

— Ладно уж, утешители, — сказала бабушка. — Горя у матери никакого нет. Просто она об Николае, о вашем отце, соскучилась и о нём беспокоится. Плавает-то ведь он не в корыте, а в Северном Ледовитом океане. Там сейчас такого нанесло льда, что даже отцовский ледокол дорогу к берегу никак не проложит. Поняли?

— Поняли, — сказали дети. — А что же нам теперь делать?

— Ничего не делать, — сказала бабушка. — Мать не расстраивать и ждать. У моря погоды и отцовского благополучного возвращения.

Все оми вчетвером друг друга больше не расстраивали и ждали. А потом весна и в Северном Ледовитом океане чуток растопила и подвинула льды, и ледокол пробился. В Москве уже травка появлялась кое-где и почки набухали на деревьях, когда Миша вдруг сорвался с подоконника с отчаянным криком:

— Папа приехал!

